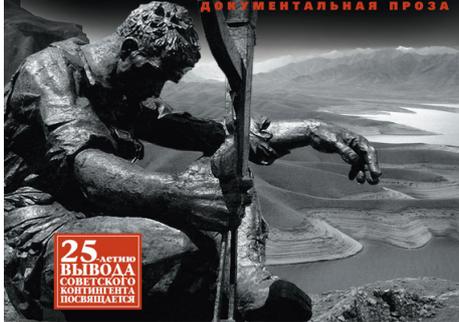


# ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВ

В АФГАНИСТАНЕ,  
В «ЧЕРНОМ  
ТЮЛЬПАНЕ»

ГОРЯЧИЕ  
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА



25-летию  
ВЫВОДА  
СОВЕТСКОГО  
КОНТИНГЕНТА  
ПОСВЯЩАЕТСЯ

**Геннадий Евгеньевич Васильев**  
**В Афганистане, в «Черном тюльпане»**  
Серия «Горячие точки. Документальная проза»

*Издательский текст*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=6706586](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706586)  
*В Афганистане, в «Черном тюльпане»: Центрполиграф; М.; 2014*  
*ISBN 978-5-227-04931-5*

**Аннотация**

Васильев Геннадий Евгеньевич, ветеран Афганистана, замполит 5-й мотострелковой роты 860-го ОМСП г. Файзабад (1983–1985). Принимал участие в рейдах, засадах, десантах, сопровождении колонн, выходил с минных полей, выносил раненых с поля боя...

Его пронзительное произведение продолжает серию издательства, посвященную горячим точкам. Как и все предыдущие авторы-афганцы, Васильев написал книгу, основанную на лично пережитом в Афганистане. Возможно, вещь не является стопроцентной документальной прозой, что-то домыслено, что-то несет личностное отношение автора, а все мы живые люди со своим видением и переживаниями. Но! Это никак не умаляет ценности, а, наоборот, добавляет красок книге, которая ярко, правдиво и достоверно описывает события, происходящие в горах Файзабада.

Автор пишет образно, описания его зрелищны, повороты сюжета нестандартны. Помимо военной темы здесь присутствует гуманизм и добросердечие, любовь и предательство... На войне как на войне!

## Содержание

Об авторе	4
1	6
2	8
3	13
4	15
5	20
6	22
7	25
8	28
9	32
10	35
11	38
12	41
13	43
14	46
15	49
16	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54



## **Васильев Геннадий Евгеньевич В Афганистане, в «Черном тюльпане»**

### **Об авторе**



Васильев Геннадий Евгеньевич, ветеран Афганистана, замполит 5-й мотострелковой роты 860 ОМСП г. Файзабад (1983–1985 гг.).

Принимал участие в рейдах, засадах, десантах, сопровождении колонн, выходил с минных полей, выносил раненых с поля боя.

Из Афганистана вернулся с травмой позвоночника, стал журналистом, членом Союза писателей Крыма. В настоящее время работает директором одного из Крымских издательств.

Почтовый индекс 97403

Автономная Республика Крым, г. Евпатория,  
ул. 9 Мая, д. 69-а, кв. 21.

E-mail: [vas.kniga@mail.ru](mailto:vas.kniga@mail.ru)

# 1

Узловатые петли потертой португалии лежали на дощатом полу, неровном, сложенном из тонких, карликовых половиц — коротких досок от обшивок гранатных ящиков. Тут же блестели зеркальными боками консервные банки. Бумажные пачки патронов, похожие на пачки махорки, лежали в складках солдатского одеяла.

— Какое свинство! — Андрей Шульгин, лейтенант рейдовой роты отдельного фэйзабадского полка, прозванный уже «старым лейтенантом» за полугодовую задержку в звании, развел руками перед туго набитым вещевым мешком.

— Скажите, пожалуйста, как воевать таким навьюченным? Как гоняться за босыми «духами»?

Немногословный Орлов усмехнулся, поправил на спине радиостанцию со скрюченной ревматической антенной, тронул пухлые подушечки перевязочных пакетов:

— Волка ноги кормят.

Со стен за сборами равнодушно следили плакаты, наклеенные вкривь и вкось на картонных стенах вместо обоев. Плакатов было в избытке в убогой тесной комнатенке, сооруженной из разобранных снарядных ящиков и коробочного картона в одном из углов большой брезентовой палатки. Из-за отсутствия обоев навязчивой агитацией оклеили все стены командирского «кубрика». На стенках красовались косо наклеенные опрокинутые трибуны с опрокинутыми графинами и опрокинутым толстощеким оратором, читающим по невидимой, тоже опрокинутой бумажке: «ЗАВТРА РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СЕГОДНЯ! СЕГОДНЯ — ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА!».

Опрокинутые золотые звезды на пиджаках держались крепко, не падали. Бумажные трибуны наплывали на честные бровастые лица, бесцеремонно падали на тучные фигуры в безупречных гуталиновых костюмах, и перевернутый на плакатах размах пятилеток сыпался вниз по чистой голубизне неба, как в песочных часах.

По плакатам изредка бежали косые, веселые, будто пьяные, строчки, нанесенные шариковыми авторучками:

ЭКОНОМЬ САХАР, ПОДЛЕЦ!  
ИНАЧЕ БУДЕШЬ ПИТЬ ТОЛЬКО ЧАЙ.  
НЕ ДЕЛАЙТЕ ИЗ СНА КУЛЬТ!  
МЫСЛЕЙ НЕТ — ОДНИ СЛЮНИ.

Кое-где виднелись и вовсе неприличные словечки, легкомысленно бежавшие по суровой простоте ленинских кепочек.

По толстокожим буквам помидорного цвета — «РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА — В ЖИЗНЬ!» — бежала простенькая будничная фраза: «В СОЮЗЕ ВОДКА БЕСПЛАТНАЯ. ТРИ РУБЛЯ — НЕ ДЕНЬГИ!».

А на пейзаже среди цветов и бабочек, с частоколом дымящих труб на горизонте, олицетворяющих союз природы и советской промышленности, только что появилась новая надпись: «Остался день до Приказа. Вырвем у „духов“ „Зуб“».

Шульгин, только что начертавший эту фразу, бросил ручку.

— Не получается из войны балета, — он натянул на плечи горную ветровку с капюшоном. — Что это за война, скажите! Просто бег в мешках!

Стянул в узел лямки рюкзака.

— Ну, что это? — развел руками Шульгин. — Мы навьючены до отказа, по тридцать-сорок килограмм валим на плечи, а противник в одной рубашке до пят навыпуск. Он

же, зараза, с одной пачкой патронов порхает вокруг нас. А мы — броненосцы какие-то против этих козлов горных. А толку — ноль...

Офицеры надели брюки, стянутые резинками на коленях и щиколотках. Нырнули в зеленую чешую бронежилетов. Набросили плащ-накидки. Сверху — радиостанции. И венец всему — потрепанные русские ушанки со свалывшимся серым мехом. Фигуры огрубели, будто сработанные топором.

— Вот так... Грациозен, как снежная баба, — Шульгин неуклюже шагнул пару, с досадой махнул рукой. — И вообще... Чувствую себя бабочкой, наколотой на булавку.

Ничто уже не удерживало офицеров в разоренной комнатке. Они в последний раз проверили снаряжение, уложили карты, достали по сигарете, закурили.

Тоскливо повисла в воздухе газовая кисея дыма.

Офицеры встали и вышли.

Пухлый розовый палец с плаката ткнул их в спину: «РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЧЕРА!..»

Кстати, указующий перст был без мозолей.

## 2

В аэропорт рейдовые роты выдвигались пешком. Файзабадский полк стоял на излучине горной реки Кокчи полковой деревенькой. Дымились трубы баньки и пекарни, блестя, словно серебряные, покатые крыши клубного ангара, столовой, складов, на веревках сушились и хлопали на ветру белые простыни возле госпиталя. Полковая деревенька дышала завидным покоем.

Приятно было возвращаться сюда после изнуряющих рейдов к застолям в прокуренных, тесных, самодельных каморках, где вместо скатертей стелились газеты, вместо тарелок гремели жестью консервные банки, а традиционные полсотки самогона наливались в необъятные солдатские кружки.

Аэропорт, где размещалась вертолетная эскадрилья, стоял на другой стороне реки, до его территории с полкового берега можно было добросить камнем через кипящие речные буруны. Но вдоль дороги, проложенной от полкового КПП до первого шлагбаума охраны аэропорта, находился афганский кишлак.

Глухие дувалы кишлака выглядели угрюмо, неприветливо. Афганцы из кишлака держались всегда настороженно и гостеприимством не отличались.

Они жили в опасном районе этой затянувшейся войны, в нейтральной ее полосе, рискуя оказаться втянутыми в действия той или другой стороны воевавших. Поэтому отношения с местными у полковых старожилов не складывались. Афганцы других, более отдаленных кишлаков, были гораздо дружелюбнее, приветливее, любопытнее. Местные афганцы смотрели на «шурави» угрюмо.

Поэтому наши солдаты опасались проходить вдоль кишлака пешком, в одиночку, терпеливо дожидаясь попутных машин. Это было одно из неписаных полковых правил, продиктованных чувством самосохранения.

Сейчас солдаты шагали вдоль глинобитных дувалов огромной полковой массой, заполнившей каждый метр дороги, и могла эта масса выплеснуть столько огня, что снесло бы огненным смерчем, сравняло с землей любой враждебный кишлак.

Страшна была эта масса своей военной мощью.

Каждый понимал это, и каждый, слившийся с этой страшной мощью, чувствовал исходящую от нее грозную силу.

Армия, числившаяся в армаде советских войск сороковой...

Ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

К сожалению, ограниченный...

За шлагбаумом аэропорта тянулись деревянные модули файзабадских летчиков и длинная взлетная полоса, похожая на обычную пыльную грунтовую дорогу. В Файзабаде взлетную полосу не мостили металлической чешуей или бетонными плитами, как это обычно делалось во многих афганских аэропортах. Все здесь было проще, естественней...

Перед посадкой на вертолеты всех офицеров вызвали к «Первому». Такой неизменный позывной был на многих операциях у полкового командира, молодого коренастого подполковника с фамилией, словно заимствованной из типичной триады бесчисленных Ивановых, Петровых, Сидоровых, но слегка измененной — Сидорчук.

И сейчас стоял этот «нетипичный» Сидорчук перед своими озабоченными офицерами, по-мужицки расставив ноги, набычив шею, облик его явно воплощал собой шальную молодецкую удаль.

— Ну что, товарищи офицеры, — ухмыльнулся Сидорчук и выложил свою привычную формулировку, — пионеры, дипломаты на веревочках, сегодня мы, наконец, сделаем то, что еще никому не удавалось.

Сидорчук энергично прошел вдоль строя, внимательно глядя каждому в глаза. После чего начал инструктаж.

— Начинаем штурм высоты, обозначенной «Зубом». Штурм самого укрепленного в нашей местности района с семью этажами обороны.

— Вы знаете, что взять боем этот укрепрайон безуспешно пытались все поколения сменного состава нашего отдельного полка. Предыдущие попытки обернулись трагически. В прошлом наш полк уже нес тяжелые потери, замечу всем — людьми и всякой неодоушевленной техникой...

— Сегодня наступил наш черед.

Сидорчук оскалился хищной улыбкой:

— И «Первый» наш ход противнику очень не понравится. Я, подполковник Сидорчук, принял командирское решение предварить нашу операцию неожиданной для «духов» высадкой вертолетного десанта, который сегодня же, через несколько часов, соединится с прочими десантами всего нашего полка и батальона соседней кундузской дивизии. Соседи уже в воздухе.

Сидорчук вздохнул.

— Так-то, товарищи офицеры. Противник привык к мысли, что мы не десантники, а пехота, приземленная к проходимым частям местности, которая с вертолетов с неба не сыплется, а всегда липнет животами к бронетехнике. Но сегодня, через пятнадцать минут, ровно в четыре тридцать, мы десантируемся без парашютов, без бронетехники, без артподготовки в самое неожиданное для «духов» место — глубоко в тыл вышеназванной высоты, обозначенной на карте отметкой «два семьсот». Рядом с указанной высотой на площадке, выбранной для десантирования, не имеется ни укреплений, ни близлежащих кишлаков, ни укрепившихся бандформирований. Разворачиваемся всем полком на чистой и обеззараженной от «духов» местности.

Сидорчук показал раскрытую ладонь.

— Вот как на собственной ладони... При полной безопасности для личного состава...

Командир полка подмигнул офицерам. Он гордился этим оперативным планом, разработанным совместно со штабом кундузской дивизии.

Действительно, все прежние попытки штурмов вязли в первых же схватках еще на далеких подступах к высоте. Несколько пройденных с боями километров до «Зуба» обескровливали рейдовые роты, лишали их и сил, и боезапасов. Теперь же операция начиналась стремительным «ферзевым» броском через все поле «игры», и это было в духе подполковника Сидорчука, чувствующего себя не обставленным фигурами осторожным запуганным королем, а свободно фланирующим, наглым ферзем, которого следует опасаться.

— Ну, что, пионеры, герои афганской революции, — усмехнулся Сидорчук, — принимаемся за дело! Сегодня идем в гости к самому Басиру — главарю крупнейшей банды горного Бадахшана. И если мы «сделаем» этого Басира, — подполковник крутанул мощным кулаком, — этого некоронованного короля ближайших окрестностей, то останется только мелочь на закуску...

Сидорчук подошел к офицерам вплотную, хлопнул по плечу лейтенанта Орлова:

— Авангардная группа нашего десанта сформирована из лучших солдат передовой роты нашего полка. Эта группа обеспечит надежным прикрытием высадку всего полка. Командует группой лейтенант Алешин.

— Никак нет, — возразил лейтенант Орлов. — Командует группой лейтенант Шульгин.

— В чем дело? — недовольно спросил Сидорчук, брови у него угрожающе сдвинулись.

— У лейтенанта Алешина семейные обстоятельства, — пояснил Орлов. — Вместо командира взвода с группой пойдет замполит роты.

— Какие еще семейные обстоятельства? — рассердился Сидорчук и рубанул наотмашь рукой, — у офицера на войне не может быть никаких семейных обстоятельств. Повторяю... Он круто развернулся к строю.

— Чтобы все забыли на войне о семейных обстоятельствах. Что там еще случилось у Алешина?..

Орлов покачал головой.

— Разрешите доложить после операции. Я лично принял решение заменить лейтенанта Алешина замполитом роты. Свои доводы готов изложить в рапорте по возвращению в полк.

Лицо у Сидорчука прояснилось.

— Ну, если вы приняли командирское решение, — сказал он, — я согласен. Командир имеет право принимать решения. И никто не может их отменить, запомните, никто... Я лично одобряю самостоятельные решения своих командиров. Одобряю, понятно?..

Сидорчук коротко вздохнул, подошел к Шульгину, поправил на его плече свернувшуюся лямку вещевого мешка.

— Ну что же, давай, Шульгин, давай... Певец наш модульный!.. Шлепайся на их «огороды». Хватит тебе своей гитарой политотделу нервы трепать, — Сидорчук усмехнулся. — Действуй, Шульгин, на нервы душманам!

Приказываю... При высадке десантной группы укрепиться на указанных позициях и в случае неожиданного приближения противника прикрыть огнем выброску основных сил полкового десанта. Хотя, — Сидорчук покачал головой, — в этот раз неожиданного приближения «духов» не намечается.

Сидорчук самоуверенно вздернул чисто выбритый подбородок и довольно ухмыльнулся:

— На этот раз практически все просчитано! Буквально все! До мелочей!

Модульным певцом командир назвал Шульгина не случайно. Шульгин в свободное время руководил полковым ансамблем и сочинял собственные песни, тут же разлетающиеся в многочисленных записях по другим полкам. В полковом жилом модуле, в номерах штабных офицеров и женской половины полка кассеты с Шульгинскими песнями крутились чаще последних модных шлягеров.

Офицеры разошлись по своим ротам.

Выдвинулась шульгинская группа к первой паре вертолетов, которые уже вырулили на начало взлетной полосы. Эта первая пара «вертушек» должна была совершить будто бы обычный утренний облет прилегающей территории и, не привлекая внимания, незаметно сбросить в горах группу прикрытия. Через полчаса после закрепления группы прикрытия в ход запускалась вся грузная полковая машина вкуче с прилетающими соседями. Кундузской группой командовал лично дивизионный генерал, с территории полка, из штабного кабинета Сидорчука.

До момента взлета оставались считанные минуты, и Шульгин готов был уже садиться в «Первый» вертолет, как из-за модулей вертолетной эскадрильи вдруг вынырнул медсанбатовский УАЗик. Зеленая машина неслась прямо по взлетной полосе навстречу вертолетам, поднимая густую меловую пыль. УАЗик осадил со скрежетом у первой пары вертолетов, резко хлопнула дверь, и из клуба пыли вынырнула стройная фигурка девушки — медицинской сестры. Она одернула помявшийся в УАЗе халат и подошла к Шульгину напрямую, минуя десятки удивленных взглядов.

— Товарищ лейтенант, — начала она деловито и напряженно, — начальник медслужбы выговаривает вам за то, что вы отказались взять в состав группы санитаря из медсанбата. Вы

хоть понимаете, что нельзя лишаться такого специалиста в случае оказания первой медицинской помощи?

Шульгин развел руками:

— Елена Сергеевна, поймите, вертолет не резиновый... Лишний человек — просто обуза, поверьте... В начале операции вообще нужны специалисты другого плана, — он кивнул на своих ребят, — мне огненная мощь нужна, стрелки и костоломы, — Шульгин пожал плечами, — а костоправы понадобятся немного после, а то и вовсе не понадобятся.

Шульгин потянул девушку за локоть в сторону от взлетной полосы, подальше от любопытных глаз и ушей.

— Елена, ты сошла с ума, — сказал он потеплевшим голосом. — Успокойся, все будет в порядке, поверь мне... Окопаемся всего-навсего, а всего через полчаса тысяча стволов окажется за спиной. Не переживай, пойми, это обычная операция, почти никакого риска, пустяки... Ну, что ты...

Девушка подняла голову, посмотрела Шульгину прямо в глаза, пытливо, встревоженно:

— Андрей, почему ты пошел вместо Алешина? Неужели нет других командиров взводов? Ну, почему ты? — стон застыл у нее на губах. — Ты разве забыл... Мы же договаривались, Андрей... Перед каждой операцией ты заходишь ко мне на одну минуту. Ты же мне обещал, — она взяла лейтенанта за руку, — всего на одну минуту... Как ты не понимаешь, бедовая моя голова! Для меня это очень важно!

Она взяла лейтенанта за вторую руку, и так они и стояли на глазах у всего полка, у всех солдат, скосивших любопытствующие глаза, вытянувших шеи, у штабной группы офицеров, окружающих своего лихого командира и поглядывающих на них с удивлением.

Женщины в Афганистане были на особом положении. Эту необъявленную войну, серьезное мужское дело, немногочисленные женщины — медсестры, машинистки, связистки, официантки — согревали своим душевным теплом, вносили в нее что-то домашнее, уютное.

— «Метель-один», я, «Первый», прием, — заскрипела вдруг ожившая радиостанция Шульгина.

«Метелью-один» был Шульгин. Он отнял руки от горячих ладоней девушки и нажал на тангенту радиостанции:

— «Первый», я, «Метель-один»...

— Время вышло, «Метель-один». Начинай отсчет... Передай Елене Сергеевне, чтобы не волновалась. Передай, все просчитано. Скажи ей, что я, Сидорчук, за тебя лично отвечаю. Так что, вперед, сынок...

Елена вдруг всхлипнула, не удержалась, припала на мгновение к груди лейтенанта. Ее волосы упали волной на выгоревшую ткань лейтенантского бронежилета.

— Я ничего не могу с собой поделать, Андрей, — зашептала она жалобно, сметая пальцами с ресниц горькую влагу слез, — прости... Мне трудно с собой справиться. Что мне с собой поделать? Я буду ждать. Всех вас ждать... Дай вам Бог всем вернуться назад...

Шульгин наклонился, прикоснулся губами к волосам девушки, быстро развернулся и побежал к вертолетам. Солдаты, прощаясь, замахали руками красивой печальной сестричке, оставленной их любимым лейтенантом.

Нехотя закружились с каким-то животным уханьем винты первого вертолета, у-у-у-ух, у-у-у-ух.

Затем это филинское уханье стало частым, свистящим...

И вертолет, рядом с которым стоял Андрей, начал медленно и неудержимо свой разбег.

Андрей сделал несколько шагов, держась за выставленный трап, не решаясь на последний рывок в дрожащую глубину десантного салона, и тут медицинская сестра решительно замахала рукой.

Начавший движение вертолет оторвался от лейтенанта, пошел вперед, содрогаясь мощью авиационных двигателей, а Шульгин развернулся в обратную сторону и побежал навстречу к медицинской сестре.

— Товарищ лейтенант, — выкрикнула она, — вы же забыли!.. Вы не взяли санитарную сумку!

Она сорвала с плеч походную аптечку с нашитым крестом — невинный предлог для краткой встречи, который забытой вещью прятался за ее спиной во время их быстрого разговора.

Шульгин поймал брошенную сумку.

— Это нам совсем не пригодится! — крикнул он через плечо, и побежал ко второму вертолету, тоже набирающему скорость.

Несколько рук подхватили его за тяжелую амуницию, и втащили в салон разгоняющейся машины.

### 3

И еще одно женское сердце трепетало в это тревожное утро.

Затряслись руки неумной дрожью так, что вылетел серым воробьем из рук конверт с треугольной печатью.

Пэ-пэ... Восемьдесят девять девятьсот тридцать три.

Пэ-пэ — это полевая почта.

Почему же, собственно, полевая почта?

Где это?

Почему нет названия города в обратном адресе? Или хотя бы имени деревушки? Кулибино... Воробьево... Вересаевка... В болотах, в тайге, в дремучем лесу... Все равно где... Только не это пэ-пэ... Безымянная полевая почта...

Где же он все-таки служит?

Дрожащие пальцы подняли серенький конверт.

Почему этот крохотный листок так долго добирался какими-то окольными путями? Почему в строчках короткого письма — зима? А за окном уже тает снег.

Почему он так назойливо шутит? В каждой строчке, в каждом абзаце...

Почему старательно твердит, что все у него хорошо?

Почему он ни на что не жалуется?

Как это странно... когда все хорошо...

И отправился конверт в карман домашнего халата, а ноги — в тапочки... Зашуршали тапки, зашлепали. Женщина вышла из квартиры, спустилась этажом ниже. За дерматиновой обивкой залился соловьем дверной звонок соседской квартиры.

— Извините, Сергей Иванович, — женщина смущенно пожала плечами. — Неудобно вас беспокоить. Но податься мне некуда, понимаете?..

Женщина сдавленно всхлипнула.

— С сыном что-то неладное...

Сергей Иванович взволнованно развел руками:

— Да что вы, голубушка, Анна Ивановна? Что случилось? Успокойтесь...

Но только успокоиться Анне Ивановне не удалось. Она достала конверт и протянула его соседу.

— Вот, пишет... Все у него хорошо...

— Ну, во-от, — облегченно вздохнул Сергей Иванович. — Все хорошо. А вы волнуетесь...

— Поэтому и волнуюсь, — вздрогнули плечи Анны Ивановны, — потому что знаю. Он у меня такой... Если пишет, что все у него хорошо, значит очень трудно ему. И потом адрес воинской части какой-то странный.

Анна Ивановна ткнула пальцем в нижний угол конверта.

— Посмотрите сами. Вы же военный человек. В военкомате работаете. Что это за адрес?

Сергей Иванович посмотрел на ломаный детский подчерк на конверте и вздрогнул. Отвел от конверта глаза. Руки у него растерянно потянулись к пуговицам домашней рубашки.

— Обычный адрес, — расстроенно сказал он. — Сейчас у многих частей такие адреса. Для сохранения военной тайны.

Он взъерошил волосы.

— Ничего страшного. А сам-то он что про свою часть пишет?

Женщина опустила плечи.

— Пишет, что часть в каком-то степном районе. В Туркмении. Недалеко от какой-то границы. Закрытый район. Пишет, что ни души вокруг. Одни суслики. Маленькие, знаете, такие, шустрые, на кенгуру похожие. Он про этих сусликов целые истории рассказывает.

Женщина вздохнула:

— Нет там никаких сусликов.

— Ай-ай! — сердито воскликнул Сергей Иванович. — Зря, вы мамаша, сыну не верите. Если пишет суслики, значит, суслики. А не какие-нибудь тигры или гиены. Ай-ай...

Он поднялся с места и помахал конвертом.

— Напрасно вы волнуетесь, Анна Ивановна. У нас в армии самый крепкий порядок в таких частях. Дисциплина. Ответственность. Полевая почта! Это же понимать надо. Это вам не какое-нибудь паркетное заведение. Канцелярия там, контора, скрепки-булавочки... Служба! Понимаете... Настоящим делом сын занят. Радоваться надо! Кем он у вас там служит?

Женщина развела руками:

— Пишет, что хлеборезом в хозяйственном взводе. Хлеб он там режет. Чепуха какая-то... Хлеб режет целыми днями... Ни за что не поверю...

— Ай-ай, Анна Ивановна, — опять вскричал Сергей Иванович. — Армия доверила вашему сыну самое дорогое — хлеб. Да вы знаете, что хлеб — всему голова. Вот генеральный секретарь партии сам лично писал... Понимать же надо... такая высокая ответственность... Гордитесь, мамаша, гордитесь...

Он вдруг схватился за сердце. Кровь бросилась в лицо.

— Золотое у вас дите, — взволновано сказал он и вытащил из кармана упаковку валидола. — Хлеб режет для всей части. А вы...

Анна Ивановна смутилась. Подала соседу стакан воды. Вздохнула. Действительно, режет хлеб... Что ж тут такого?

Провалилось письмо в карман халата. Зашлепали тапочки по паркету. Скрипнула дверь.

Делом сын занят, делом...

Только какое же это дело?

Хлеб резать...

Но почему сосед без валидола с ней не разговаривает?.. Э-эх...

А сосед за закрытой дверью вдруг ударил по столу кулаком.

— Нюночка, — крикнул он жене. — У нас водка есть? Есть водка?.. Ну, не праздник сегодня... Не праздник...

Наоборот.

Он махнул рукой:

— Ладно, не ворчи... Хоть валерьянки налей полстакана. Кому война, а кому...

И опять кулак опустился на дрогнувший стол.

## 4

Шульгин, неповоротливый, неуклюжий, сидел, наклонясь вперед, не в силах опереться на вещевой мешок за спиной, который подобно неудобному горбу сталкивал его с узкой вертолетной скамьи десантного салона. Качались гудящие борта винтокрылой машины. Бортовые иллюминаторы то круто взлетали вверх, упираясь в пустое, бессмысленное небо, то падали вниз. Дрожали в полосах света бесчисленные пыльные крошки. Кружились по днищу вертолета клочки бумаги. Плясала около щеки черная мушка автомата. Трепетала перед глазами тонкая нить антенны.

Один из летчиков в светло-сером комбинезоне, выглаженном, элегантном, по сравнению с мешковатой формой пехоты, находился в десантном салоне. Улыбаясь, поглядывал в сторону напряженных солдат. Спокойно вертел в руках кубик Рубика. Выстраивал грани, почти не глядя. Изредка посматривал в иллюминатор. Похоже, он не воспринимал всерьез ни эту операцию, ни эту афганскую войну.

Шульгину давно уже казалось, что многие летчики относятся ко всему происходящему на афганской земле снисходительно, словно смотрят на все происходящее здесь из театрального партера. И хотя они видели смерть далеко не театральную, и тоже отправляли цинки с телами своих друзей, но и это не мешало им жить здесь обычной гражданской жизнью и даже делать в Афганистане совсем невоенный «бизнес».

И летели вместе с военными грузами, болтаясь в топливных баках, сотни бутылок «Столичной», «Русской», «Московской»... И в сравнении с той высокой ценой, которую монополично поддерживали все летчики на своем внутреннем «водочном фронте», водка в Союзе казалась вовсе бесплатной. Отличалось отношение к этой войне у летчиков и у пехоты-матушки, хотя сам Шульгин отчетливо не понимал, чем же оно отличалось?

Он смотрел на чисто выбритого летчика, щеголяющего аккуратной прической с пробором, безупречной чистоты летным комбинезоном, новенькими гражданскими туфлями, и думал о том, что срок службы летчиков в Афганистане вдвое короче, чем у пехоты — всего один год, да и тот чередуется многочисленными отпусками для отдыха и реабилитации.

Шульгин со вздохом посмотрел на своих парней в замызганных, выгоревших бронезилетах. Кто-то из них, возможно, не переживет сегодняшнего дня.

Летчик по-прежнему спокойно вертел цветными гранями кубика. Из хаоса красок за несколько движений нанизывал друг на друга цветные полоски, и, выстроив полную гармонию цветов, вдруг смешивал все обратно в пестрый хаос.

И вдруг так же, в несколько мгновений, от гармонии к хаосу, смешалось все в десантном салоне.

Встревоженный летчик вдруг замер в неудобной, напряженной позе.

Серый комбинезон тучкой навис над мутным стеклом.

Летчик обернулся.

Его скучающий вид стерло, как губкой. По лицу, крупному, побагровевшему, пробежала злая усмешка. Летчик прокричал что-то беззвучно, коротко шевельнулись губы, растянулись, сложились, вытянулись трубочкой. Оглушительный рев винтов разорвал слова на скомканные слоги, выплюнул косточки звуков:

— Жар-р... точ-ч... р-рез-з...

Летчик рубанул ладонью по воздуху, ткнул кулаком в пыльное стекло. Грузные фигуры солдат зашевелились, потянулись к иллюминаторам. В круглых стеклянных экранчиках закачались русские шапки-ушанки.

Горы стремительно нарастали внизу.

Снежные панамы на седых скалах менялись рыжими пятнами распаханых пашен. Белые клочки облаков цеплялись за крутые вершины скал.

И там внизу посреди угрюмых камней пульсировали еле заметные и вроде бы безобидные вспышки.

Слабые, жидкие огоньки, искорки, гаснущие в одно мгновение.

Андрей понял усмешку летчика.

Посадочная площадка, намеченная штабом к высадке дивизионного десанта, тщательно подобранная среди многих возможных вариантов, вдруг оказалось под плотным огнем. Пулеметным, кинжальным, смертоносным.

Будто их намеренно встречали в точно определенном месте, в точно назначенное время.

Эта мысль невольно мелькнула в сознании Шульгина.

Вертолет неожиданно заложило в глубокий вираж. Левый борт взмыл почти вертикально. Солдаты посыпались от него, съезжая по стальному бугристому полу.

Шульгин с хрустом вдавился в правый борт, ударившись лицом в стекло иллюминатора. Что-то тяжелое, теплое навалилось на ноги. Резко хлестнула по щеке антенна. Глухой болью в паху отозвались негнущиеся пластины бронезилета.

Вертолет медленно вышел из виража. Тут же лег на другой борт, заново перетряхивая содержимое своего нутра.

Тело Шульгина съехало вниз. Ноги на мгновение стали легкими. Он едва успел ухватиться за дрожащую переборку.

В иллюминаторе над ним нависло молочное небо.

Рядом с Андреем оказался летчик. Лицо летчика, еще недавно насмешливое и невозмутимое, пылало жаром. Из рассеченной губы текла кровь. Шульгин почему-то сравнил окровавленную щеку летчика с лопнувшим помидором. Где он видел такие раздавленные помидоры?

Новый вираж вновь вдавил Андрея в переборку. Вибрация обшивки передавалась телу. Летчик махал ему свободной рукой. Окровавленные губы у него, растягивались и сжимались, как резиновые — он что-то кричал.

Шульгин придвинулся вплотную к лицу летчика, перекошенному злой гримасой, сумел перехватить жеванные обрывки слов:

— Нарва... и-ись на дэшэка-а. Не-е оторва-аться... Суши-и в-есла. Буд...м садь...ся. Нос...м в задн...цу-у...

Шульгин метнулся к иллюминаторам. По мутным стеклам будто мазнуло грязью. Слоистый дым прижимался к стеклам, липкий и неотвязчивый. Сквозь дым вдруг мелькнуло серое пятно первого вертолета.

Он летел, беспорядочно вращаясь и заваливаясь, то на один бок, то на другой. И если шульгинский вертолет все время нырял под пулеметные очереди, умно, грамотно меняя направление полета, то первая «вертушка» летела прямо навстречу пулям, словно слепая, и они потрошили ее серебристое нутро, вырывая из обшивки крупные клочья.

Сердце у Шульгина болезненно сжалось. Словно огненные бичи невидимых пуль рвали его самого. Он понял, что вертолетному экипажу ведущего вертолета крепко досталось от первых очередей зенитного пулемета. Ведущий вертолет был неуправляем.

Он летел прямо на скалы, навстречу жалящим его огненным осам, увлекая в гибельную пропасть десять лучших солдат шульгинской группы.

Этих солдат-добровольцев лучшей рейдовой роты фэйзабадского полка Шульгин отбирал сам, отвечал за них лично, как и за тех, прижавшихся сейчас к переборкам за его спиной.

И сейчас лучшие парни неотвратимо погибали на его глазах.

Они неслись навстречу неумолимой смерти, и никто не мог уже подать им руки в эту смертельную минуту.

Шульгин вдруг вспомнил, как совсем недавно оторвался трап этого вертолета из его собственных рук, и сердце его заняло в тоске.

Борт летел, объятый черным дымом.

Скорее даже не летел, а стремительно падал.

Проваливался в ямы, клевал носом, судорожно вздрагивал...

И своей неизбежной гибелью все равно продолжал спасать своего ведомого.

Шульгин заметил, что их вертолет закрывается плотной дымной завесой, стелющейся за горящим вертолетом, от прицельного огня душманского ДЭШЭКа<sup>1</sup>, время от времени выныривая из дыма для того, чтобы дать залп НУРСов, и залить горы свинцом носового пулемета.

Сбитый ведущий вертолет не давал душманам расправиться со вторым экипажем. Погибая, он распустил большой черный шлейф, заботливо накрывая им живых своих братьев. Сквозь сизые клочья дыма из шульгинского иллюминатора было видно, как стремительно налетает земля, комковатая, рыжая, исполосованная темными бороздами.

— Пашня, — пронеслось в голове у Андрея. — Это наш последний шанс — шлепнуться в мягкую грязь, а не на камни. На камнях всех побьет в кровавое месиво. Господи, только бы упасть на пашню...

Мысли Андрея разбежались беспорядочно, и ему, повисшему вместе со всеми в проваливающейся пустоте неба, так захотелось почувствовать коленями, локтями ласковую, пахучую перину земли, что застывшее сердце будто остановилось.

Шульгин закусил бесчувственные губы.

Сошлись на переносице упрямые брови.

Затаились солдаты в потемневшем салоне.

Первый вертолет налетел грудью на скалы со всего размаха. Огненный, огромный шар блеснул на мгновение, и выбросился над красным заревом зловеющий, черный гриб, оставшийся дрожать и колыхаться гигантским смерчем-памятником над братской могилой русских парней.

Второй вертолет, неотрывно шедший в дымовом шлейфе, перед самым взрывом дал резкий крен в сторону и успел оторваться от страшной, несущей неминуемую смерть, взрывной волны. Эта волна только тряхнула борта, оторвав десант от переборок, сбив людей с ног.

И осталась беззащитной серебристая воздушная стрекоза в нескольких сотнях метров от беспощадного ДЭШЭКа.

И вновь поступил умно многоопытный летчик.

Вместо того чтобы набирать спасительную вроде бы высоту, уходить в недостижимое голубое пространство, медленно поднимая вверх тяжелое нагруженное брюхо, летчик направил машину камнем к земле, заваливая ее то на один борт, то на другой. Тяжелые пули ДЭШЭКа расстреливали только иссеченный винтами воздух. Земля летела навстречу с ужасающей быстротой. Перед самой высадкой летчик, дежуривший в салоне, открыл рывком десантный люк, и большим пальцем решительно ткнул вниз.

Шульгин понял решение экипажа. Обычная высадка десанта под прицельным огнем душманов была невозможной. Остановившийся, зависший для посадки над землей борт расстреляли бы в одно мгновение. Взрыв топливных баков и боеприпасов мог бы разнести всю

---

<sup>1</sup> ДШК — крупнокалиберный пулемет.

команду на куски. Поэтому десантироваться предстояло с летящего борта, несущегося над самой землей.

И Шульгин поднял руку вверх, призывая весь десант действовать по его примеру.

Быстрым движением сорвал Шульгин с плеч вещевой мешок.

Сжал его левой рукой.

Вещевой мешок, оставленный за плечами, мог в прыжке перевесить тело, зависнуть над головой и ударить в затылок при приземлении.

Правой рукой Шульгин сжал цевье автомата.

Подойдя к дверному проему, Шульгин обернулся к десанту.

Махнул автоматом по направлению своего прыжка.

Не мешало в такой отчаянный момент напомнить, что прыгать с движущейся машины нужно только лицом в сторону движения.

Делай, как я!..

И Шульгин выпрыгнул из вертолета в сторону, подальше от винтов и понесся вниз, отбросив от себя вещевой мешок.

Приземлившись налегке с одним автоматом, он перевернулся через правое плечо, пропахал в пашне глубокую борозду и замер, стараясь быстрее придти в себя, понять свое место в опасной круговерти боя.

Солдаты сыпались один за другим впереди него, а вертолет, замедливший свой полет, уже заметно вздрагивал от бивших в него пулеметных очередей.

Было ясно, что целым этому борту не выйти из смертельной зоны, и Шульгин перевел взгляд в сторону, откуда летели пулеметные очереди.

Крупнокалиберный ДЭШЭКа бил с соседнего хребта с 500-метрового расстояния, и Шульгин с удивлением заметил сооруженную вокруг ДЭШЭКа прочную каменную кладку, облепленную свежей глинистой землей. Больше сотни «духов» стреляли по вертолету и сброшенному десанту, надежно укрывшись среди каменных валунов. И шульгинские ребята, падавшие на пашню, как живые мишени в страшном тире, были бы их неизбежными жертвами, если бы не последнее решение командира их подбитого борта.

Он не бросил вертолет сразу.

Не оставил смертельно раненую машину.

Не отвернул в сторону, подальше от клочущего огня.

Заложив свою винтокрылую птицу в последний вираж, он вывел вертолет на гибельную прямую между двумя высотами, между укрытыми за камнями торжествующими «духами» и беззащитно выброшенным на пашню десантом.

Весь летный экипаж по его приказу тоже оставил борт через десантный салон, а командир подбитого вертолета пошел прямо в лоб в свою последнюю, смертельную атаку на обложенный камнями ДЭШЭКа.

Он упрямо летел на черные валуны, уже охваченный дымом, вздрагивающий от гибельных очередей, от прямых попаданий, и тоже стрелял и стрелял по духам.

Шульгин увидел, как рассыпались камни укрепления крупнокалиберного пулемета, как свалилась эта страшная машина с ножек своего станка, как выскочили из-под камней и бросились вверх по хребту духи, и как врезалась крылатая стрекоза в черные валуны, безобразно смявшись и рассыпавшись на сотни мелких осколков.

Так же знакомо блеснул огненный шар, и всю высоту душманов накрыло облако черного едкого дыма.

Страшен был этот последний удар.

Обе высоты вздрогнули.

Потемнело небо, пеплом покрылись облака...

И долго-долго падали с небес искореженные куски металла.

Прямо перед Шульгиным вонзилась в землю смятая вертолетная лопасть. А душманская высота на мгновение замолчала, оглушенная, ослепленная, окруженная дымом, и этого непродолжительного затишья хватило шульгинским ребятам и уцелевшим парням из экипажа вертолета, чтобы зарыться в пашне, спрятаться в ней, накидав перед головой и вокруг себя холмы свежерытой земли.

Шульгин забросал землей счастливо упавшую к нему вертолетную лопасть, врылся под нее, и оказался за надежным бруствером, способным защитить даже от пулеметного огня.

Его КП в одно мгновение обрело замечательную неприступность, и теперь можно было позаботиться о связи с полком.

— «Первый», я «Метель-один», прием, — раздался в эфире его позывной.

— «Первый» на связи... Слышим, сынок, что у вас происходит, — послышался среди эфирного шороха тихий и горький голос командира. — К вам на помощь уже поднят весь состав боевых вертолетов. А теперь, докладывай о потерях, «Метель».

И повисла в эфире тоскливая траурная черная пауза.

## 5

Почернело, казалось, все... Черная завеса глухо закрывала царские врата Никольского храма. Черный бархат окутывал аналои, черный сатин спадал рушниками с икон. И священник вышел тоже в черном. Только серебряные ленты струились по черной ризе и тусклым серебром блестели кресты из серебристой парчи.

Траур...

Почему траур, жалобно забилося сердце Анны Ивановны, впервые зашедшей в церковь в это великопостное утро.

Гулким стоном отозвалась душа на суровую простоту храма.

Траур...

И когда она с трудом протянула к огню дрожащую свечу, слезы хлынули у нее бурным потоком.

Траур...

Что же все-таки с сыном? Что с ним, родной кровиночкой?..

Неужели что-то случилось?.. Что-то непоправимое, ужасное...

Траур...

И тут тенью мелькнуло рядом черное священническое облачение, и черные складки ризы колыхнулись возле подсвечника.

— Вам плохо? — священник участливо склонил голову. — Что-то случилось?..

Анна Ивановна попыталась сдержать слезы, но куда там... Сердце зашло в бурном рыдании. И поплыли, размылись очертания подсвечника, деревянных окладов икон, аналоев. Подогнулись ноги. Так что едва успели церковные служащие подхватить Анну Ивановну и довести до лавочки возле стены.

Священник присел рядом. Привычно. Терпеливо. Будто знал, какие тревоги и горестные сомнения терзают материнское сердце.

— Не унывайте, — тихо вздыхал он. — Бог милостив. Он не даст тяготы свыше сил... Вы уж поверьте... Каждому Бог дает свой крест по силам... Не падайте духом...

Но как же не падать духом? Как терпеть? Как нести этот неведомый крест?

И Анна Ивановна сбивчиво и торопливо рассказала о своих материнских страхах, о своих недоумениях, а батюшка медленно кивал седой бородой на каждое слово.

— Уповайте, милая, уповайте на Бога... Все ведь в руках Божиих. Что ни делается с нами, все промыслительно и не случайно. Вот и мирская поговорка гласит: что ни делается, то к лучшему...

Батюшка вздохнул:

— Воистину так... Что ни делается, все от Бога. И скорби от Бога, и тяготы, и лишения, и радости. А сын у вас хороший. Я вижу, как он вас бережет. А что сыну вашему нужно претерпеть, кто знает?.. Только Бог...

Колыхнулись отражения свечей в серебре нагрудного креста.

— Где он служит, скоро откроется. Только, может быть, лучше этого не знать. Не всякую правду можно снести...

Но только Анна Ивановна вскинула плечи:

— Что вы, батюшка?.. С правдой все же легче... Пусть будет любая, самая горькая правда... Неизвестность куда страшней...

И батюшка пылливо взгляделся в материнское лицо, вздохнул и накрыл рукой Голгофу на священническом кресте.

— Скоро вы узнаете, где ваш сын, — сказал он кротко. — Бог откроет.

Батюшка покачал головой.

— Материнское сердце крепкое, многое может снести. И вы держитесь, матушка, ибо материнской молитвой держится мир.

Священник протянул Анне Ивановне маленькую икону, которая обожгла руки холодом меди.

— Возьмите этот образ на молитвенную память. Многие муки перенес этот маленький образок. Соловецкие лагеря, ссылки, сталинские тюрьмы. Он даже почернел от испытанных горестей. Многие старцы передавали его из рук в руки. Мне он достался от духовного отца. Пусть он теперь вашу душу согреет.

Медная иконка действительно быстро согрелась в руках у Анны Ивановны. И какое-то особое тепло пошло от нее еле уловимыми токами.

— И вот эту молитву возьмите, матушка, — протянул священник Анне Ивановне сложенный вчетверо машинописный листок, отпечатанный на серенькой бумаге. — *Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небесного водворится...*

Священник перекрестился.

— Читайте каждый день за спасение вашего сына.

И добавил совсем тихо:

— Поверьте, это ему поможет...

## 6

Прошла недолгая пауза в поединке между горсткой русских парней и бандой душманов. Приготовившие мастерскую засаду, «духи» вдруг осознали позорное поражение за истекшие минуты скоротечного боя.

Авангардная группа, казалось бы, совершенно обреченных на смерть «шурави», несмотря на огненный мешок, устроенный для вертолетной пары, несмотря на уничтоженные, обращенные в пепел борта, все же закрепилась на плацу, ушла в землю, выставила стволы автоматов и пулеметов, и теперь только прямой рукопашной атакой можно было выцарапать этих упрямых русских из распаханной пашни.

Но только душманы не любили рискованные рукопашные атаки против «шурави», особенно из авангардных групп. Да и как любить такие страшные атаки? В рукопашной «шурави» дрались особенно ожесточенно, не на жизнь, а на смерть...

И даже эти потрепанные в жестоком огне, брошенные в полном одиночестве, оторванные от полка мальчишки в прямой рукопашной схватке представляли грозную силу.

Шульгин понимал, что рукопашной схватки с «духами» можно не опасаться. Но, предвидя ураган душманского огня, готовый обрушиться на них в отместку, приказал всей группе залечь на дно окопов. В сложившейся ситуации только ему одному можно было сравнительно безопасно наблюдать за картиной боя из-за надежного бруствера вертолетной лопасти.

Действительно, душманы обрушили на них настоящий огненный шквал. Весенняя пашня закипела от горячего свинца. Воздух звенел от визгливого разноголосья летящих пуль. Ключья горьковатого, душного дыма неслись от останков павшего вертолета, все еще мешая «духам» вести настоящий, прицельный огонь.

Шульгин видел, как душманы пытаются поднять на станок смертоносный ДэШэКа, и только этот страшный объект и держал на прицеле своего автомата. 500-метровое расстояние было очень удобным для его «Калашникова». Шульгин любил такие дуэльные дистанции.

Поднимались над черными валунами, камнями разваленной кладки пестрые халаты душманов, и летела неожиданная шульгинская очередь, короткая, всего в две пули. Шульгин перекатывался на другую сторону бруствера, а за каменной кладкой на другой стороне ущелья раздавались гортанные крики. Шульгинские пули, видимо, достигали своей цели.

Две пули — оптимальное число для автоматной очереди, этому Шульгина учил его «Первый» «афганский» командир в учебном спецполку Туркестана, готовивший к отправке «за речку» пополнения солдат. «Третья пуля уже идет вразнос, отклоняется от цели — это лишняя трата боеприпасов, — учил его бывший ротный, — и к тому же длинная очередь — лишняя опасность засветить, открыть свое положение. Чем меньше времени ты на виду у противника, тем меньше времени даешь ему на прицеливание. Если укладываешься со своим выстрелом в 1–2 секунды, нормально... Припозднился немного, и ты уже „трупешник“».

Шульгин быстро выныривал из-за своего укрытия, стрелял, нырком панад на землю и зычно выкрикивал команду «лежать» поднимающимся над окопами головам своих солдат. Участие всех его ребят в неравной огненной схватке было излишним.

Возможно, Шульгин вообще неправильно понимал смысл боевых действий в этой необычной войне без фронтов и правил. Для него главным значилось сохранить подчиненных в самой опасной ситуации. Вопреки жестоким обстоятельствам сохранить живыми, оставить в боевом строю, вернуть на «большую землю» к долгожданному солдатскому «дембелю».

Этот простой смысл так прочно вошел в сознание Шульгина, что невозможно было убедить его напрасно жертвовать жизнями своих ребят во имя взятия какой-либо безымянной высоты или какого-то важного афганского укрепления. Взятые высоты и укрепления все равно приходилось возвращать хозяевам. Такие победы не имели в глазах Шульгина серьезной цены.

Победа не всегда измеряется количеством взятых высот. И все же в самые горячие места часто посылали старшим именно Шульгина. Наверное, за то, что он умел обходиться минимальными потерями.

Возможно, подобный смысл боевых действий в необъявленной войне видели многие офицеры в Афганистане, но встречались среди них и бездумные растратчики чужих жизней.

— «Метель-один», я «Основа», прием, — раздался в эфире нервный голос начальника политотдела подполковника Замятина, постоянно взвинченного человека с неизменными претензиями ко всем офицерам полка. — Доложите о моральном состоянии личного состава.

Шульгин, только что поймавший в прорезь прицела поднимающихся «духов» и нажавший на курок с невольным рывком, выругался — очередь сорвалась.

Он нехотя сжал тангенту и ответил:

— «Основа», «Метель-один»... Докладываю... Моральное состояние группы на пределе. Вокруг гарь от сгоревших вертушек, до сих пор падает пепел. Сами не можем поднять головы. А теперь, извините, не до разговоров. Идет бой. Прерываю связь. Прием...

— «Метель-один», — зашипел в ларингофонах неприязненный голос, — приказываю немедленно поднять моральное состояние группы. Не забывайте о своем партийном долге. Вы — прежде всего политработник, замполит стрелковой роты... И это вам не просто шашкой махать...

Шульгин снова беззвучно выругался.

Почему-то не чувствовал подполковник Замятин разительного несоответствия своих слов с обстановкой. Почему-то всегда говорил и действовал этот человек невпопад, словно стоял ко всем спиной. Намертво привязанный к каким-то неживым истинам, он пытался всю жизнь афганского полка подчинить букве машинописных инструкций.

Голос Замятина продолжал раздраженно бубнить по далекой связи, но Шульгин, прижавшийся щекой к деревянному цевью, не дыша, посылал пули по развалинам душманского укрепления. Как важно было не дать «духам» поднять этот чудовищный пулемет, из-за которого только что сознательно ушел из жизни прекрасный смелый человек.

Как жаль, что Шульгин не был с ним лично знаком.

Как жаль, что никогда уже не сможет пожать ему руку.

Жаль...

И шульгинские пули стремительно пронзали воздух жгучими жалами.

Жаль, жаль...

За командира погибшего борта. Жаль...

За разнесенных в клочья ребят. Жаль...

За слезы матерей и жен. Жаль, жаль...

Душманы так и не смогли поставить на станок свой крупнокалиберный пулемет. Не успели залить свинцом единственный действующий ствол ушедшей в землю группы. Не сумели подойти ближе.

Слишком грамотно действовали свалившиеся из дымящейся «вертушки» русские парни. Ни один из них не подставился навстречу шквальному огню. Ни один не остался на прицелах китайских стволов больше секунды. А время уходило, и уже появились на утреннем горизонте черные точки боевых вертолетов фэйзабадской эскадрильи.

Налет этой разъяренной воздушной стаи был ужасен.

Шульгин направил зеленую ракету в сторону душманской высоты и приказал своим ребятам немедленно выбросить оранжевые дымы.

— Земля, я — Воздух, наблюдаем вас отчетливо, — вышел на связь старший боевых «вертушек», — видим ваши дымы, и направление атаки. А теперь прижмитесь к земле. Ложитесь на самое дно, ребята. Будем разносить все вокруг в клочья. Командир приказал забросать «духов» «капельками».

«Капельками» по связи назывались авиационные бомбы — самое мощное снаряжение винтокрылых машин. Андрей знал, как виртуозно могли кидать эти «капельки» воздушные снайперы файзабадской эскадрильи. Они кидали их не просто обычным полуслепым броском, а словно опытные игроки в классический гольф, метали летящую смерть точным броском-накатом в намеченную лунку. Таким броском они могли закинуть бомбу даже в открытую дверь глинобитного сарая. И Шульгин был свидетелем подобных снайперских попаданий.

Он видел как, задыхаясь, бежали душманы, спасаясь от воздушных «акул», как падали бородатые чалмоносцы в черные проемы дверей, преследуемые пулеметной очередью, вздыхали, наверное, облегченно в темной спасительной глубине, и как летела за ними в самый зев распахнутой двери пузатая бомба. Дом поднимался на воздух, и гордо рассекала грудью поднятые обломки молниеподобная машина в пятнах зеленого камуфляжа.

Сейчас вся файзабадская эскадрилья обрушилась на враждебную высоту, и летели от нее черные точки «капелек», огненные хлопья ракет и тонкие нити пулеметных очередей, сея разрушение и смерть.

Шульгин видел, как вздыбилась земля вокруг душманских позиций, как поднялась в воздух стена мелких камней, кусков глины, кровавых лоскутов и обломков оружия, слышал, как разнесся по ущелью оглушительный гул, смешавшийся с человеческим воем.

Даже шульгинские парни не выдержали и вылезли наверх, выставив чумазые лбы над земляными холмами окопов. Привычные к разным картинам войны с удивлением наблюдали они агонию банды и только досадно морщили лица на крики Шульгина, приказывавшего лечь в укрытия.

Осколки летели через ущелье в их сторону, но солдаты только прижимались к земле от тонкого визга ввинчивающихся в пашню кусков железа, мелких камней, и, по-мальчишески, раскрыв рты, глядели на кровавый спектакль танцующих над высотой воздушных стрекоз.

За эскадрилей боевых вертолетов летели уже пары с десантами рейдовых рот. Штурмовой батальон майора Трофимова, укрепленный полковой разведывательной ротой, саперной группой и отделением химвзвода с огнеметами, выбрасывался вокруг Шульгина, вгрызаясь в каменные хребты. Горы оружия вставали вокруг десятка недавно беспомощных шульгинских стволов.

И уже завыли мины батальонной батареи. Поплыли облачки дыма над разрывами посреди развороченных камней. Гулкой дробью зарокотал крупнокалиберный «Утес». Пошли в полк координаты душманской высоты для полковой артиллерии. Повис над головами желтый шар первого пристрельного снаряда.

Русская пехота прошла своей страшной «косой» по верхушкам афганских гор, по склонам весенних пашен, по уцелевшей с зимы жесткой соломе прошлогодней травы.

И обросли неуютные горы рыжими солдатскими бушлатами, серыми крылышками ушанок, выцветшей тканью вещевых мешков, и покатались вниз по склонам скомканные пустые пачки из-под дешевых сигарет, блестящие в масле пустые консервные банки и клочья несвежих советских газет.

## 7

— Богунов, поднимай ребят, — Шульгин выпрыгнул из своего окопа. — Посмотри-ка, они уже спят вповалку. Наелись земли, наглотались дыма, насмотрелись военных кошмаров и спокойно улеглись на боковую... Настоящая фронтовая голь...

Сержант Богунов выкинул из окопа вещмешок и перевалился через бруствер. Рыжеватые кудри в крошках земли выбились из-под шапки, разбежались по сержантскому лицу веснушки, пятная толстую шею на крупных плечах. Насмешливые глаза сержанта блестели васильковым огнем.

— Что, салаги, разлеглись, как у тещи на именинах, — захохотал его язвительный голос. — Хорошо давить на харю... Эй, голь перекатная... Собирай тряхомуть, пеньюары-аксессуары. Что за хреновина?

Богунов пнул ногой пустую консервную банку.

— Вот вам, пожалуйста, авангард фэйзабадского полка. Уже сожрали трехдневный паек без остатка. Отлежали бока... Выдыхались... И это — штурмовая гордость сороковой армии. Э-эх, братишки... Знаете, что у вас на рожах написано? Лучше переест, чем недоспать...

Солдаты шульгинской группы с ворчанием и улыбками вылезали из окопов на пашню. Отряхивали бушлаты от налипшей глины. Растирали занемевшие в окопе колени.

Уже не пели над ними пули, не взвизгивали осколки над рыжими бороздами, не вздрагивала от взрывов земля.

Банда была сметена с противоположной высоты лавиной дивизионного огня, и остатки банды панически бежали на другие, далекие от них укрепления.

И выглянуло ласковое, вроде бы, солнце, согревая оставшихся в живых. Вытянулись парни на мягкой земле, разминая суставы.

— Поднимаемся, ребятки, — сказал Шульгин. — Хватит жизни радоваться. Идем собирать погибших. Скоро придет «Черный тюльпан» за телами...

— Какие уж там тела? — вздохнул кто-то из солдат. — Месиво...

Повисла неловкая тишина.

И в этой напряженной тишине молчаливо собралась вся шульгинская группа, потянулась цепочкой за сержантом Богуновым в сторону недавней трагедии — черному кругу выжженной земли с останками взорвавшегося вертолета.

Далеко за пределами этого страшного круга начали встречаться куски вертолетной обшивки, клочья обугленных кабелей, окровавленные лоскуты одежды и то безымянное жуткое, что осталось от их боевых товарищей.

Богунов первым поднял с сырой распаренной земли что-то бесформенное, обгоревшее, измазанное кровью и глиной:

— Что же это? — дрогнули его губы. — Товарищ лейтенант, как же это?..

Сморщилось лицо этого обычно насмешливого сержанта. Тоской налились васильковые глаза.

Шульгин молчаливо раскатал на земле плащ-палатку. Заколот края шомполами, чтобы не слетала палатка под напорами ветра.

— Складываем все сюда, ребята. И старайтесь опознать хоть кого-нибудь. А то сами знаете, в «Черном тюльпане» не разбираются...

— Свалят в кучу, — подтвердил кто-то за спиной, — подсыплют песку в цинки и получай мама часть братской могилы..

— Да уж... Как это матери сына на прощание не обнять? — вздохнул Матиевский, снайпер шульгинской группы, долговязый, сухощавый парень. — Мне мать писала, если получит цинк, гроб обязательно вскроет и меня на прощанье обнимет и расцелует. А тут что матери достанется?.. Вот сука — жизнь...

— А моя мать даже не знает, что я в Афганистане, — неожиданно сказал Осенев, маленький, едва достающий всем до плеча солдат.

Внешность у него была шуплая. От фамилии перешло ему редкое прозвище — «Осина». Но чаще всего звали его «Осенью».

— Ну, ты даешь! — удивился кто-то. — Тебе же домой скоро ехать, Осень!.. Дембель на носу. Что ж ты в письмах строчил два года?

— Что в голову приходило, то и писал. Не хотел, чтобы мама волновалась. Сердце у нее слабое, — Осенев махнул аккуратной ладошкой. — Если она вот такое месиво вместо меня получит — не жить ей больше...

Солдаты вздохнули и безрадостно разошлись собирать останки своих товарищей. Они приносили Шульгину обгоревшие части тел, и по каким-то едва понятным приметам складывались погибшие ребята для последнего своего свидания с матерями и отцами, неожиданно пережившими своих детей.

Медленно переваливаясь, подошел к палатке Касымов, рослый узбек, выбранный в группу пулеметчиком за его слоновью силу. Он нес на стволе пулемета что-то окровавленное, брезгливо отстранив от себя подальше. Подойдя, бросил на палатку небрежным шлепком, подтолкнул концом ствола, грязно выматерился.

Шульгин застыл в гневе. Он не успел ничего сказать, как рванулся к Касымову сержант Богунов и рывком приподнял грузного пулеметчика над землей. В следующую секунду Касымов ткнулся лицом в землю. Богунов прижал его тело коленом.

— Зарыл бы я тебя здесь, падлюка, — гневно захрипел голос сержанта. — Совсем забурел, а-а?.. Что это тебе?.. Фарш бараний?.. Ты у меня сейчас просечешь...

Солдаты окружили лежащего Касымова.

— Брось, Коля, — сказал потемневший лицом Осенев. — Это же мясник... Он в Ташкенте мясные туши рубил на рынке. Ему что погибшие, что баранина — все едино...

Злобно сопящий Касымов наконец освободился от железной хватки сержанта. На измазанном лице яростно вспыхнули желтые глазки:

— Да пошли вы все, да-а... Умные, да-а? Что им?.. — он махнул в сторону палатки. — Они трупы, да... А Касымов живой... Живой... Зачем Касымову грязные шматки? Какая разница, как зароят, где зароят? Кому легче, да-а?..

— А твоей матери легко будет получить такой фарш? — сказал Шульгин. — И откуда в тебе, Касымов, это?.. Неужели не понимаешь? Ребята головы сложили. Они теперь не просто трупы. Все это теперь вот здесь! — Шульгин хлопнул ладонью по груди. — Понимаешь? Как можно это не уважать...

— Да чурка, она и есть чурка, — рявкнул Богунов. — Разве поймет? Чего ему объяснять?

Касымов вдруг чванливо выпятил толстые губы:

— Ничего, ничего, сержант... На дембель пойдешь, да-а... Тебя в Ташкенте хорошо встретят... На пересылка встретят... Тогда объяснишь, какой такой Касымов чурка...

Богунов рванулся к Касымову ответить на угрозу, но железно повис Осенев на его замахнувшейся руке и поспешил встать между ними лейтенант Шульгин.

— Погорячились, хватит, — строго сказал он, — погибшим стыдно на вас смотреть. Они сверху смотрят на нас. Не забывайте этого... Мы пережили их незаслуженно... И будем теперь материться, драться, морды бить... Уходят лучшие. А худшие остаются...

Шульгин резко отвернулся от возбужденных солдат и направился к обугленным вертолетным останкам, осунувшийся, злой. За ним потянулись солдаты, не поднимая лиц от сырой распаханной пашни.

— Выживает всякое сранье... Это точно! — ворчал за спиной Богунов. — Говенные нигде не тонут... Будут потом лапшу на уши вешать... Как на войне лепили человеческий фарш, а потом немытыми руками тушонку жрали, тьфу-у...

## 8

Поднялись от пашни вертолеты с узлами мокрых от крови плащ-палаток. Облетели вертушки поле боя в прощальном, траурном круге. Покачали шульгинской группе бортами. Прощай, «шурави»...

И перестала существовать штурмовая группа.

Солдаты шульгинского отряда присоединились к своим взводам. Сам Шульгин отправился искать командира роты.

«Метель» успела прочно окопаться на одной из высот.

На холмах свежевырытой земли блестели ружейным маслом стволы. Пахло гречневой кашей. Сыпался песок с брустверов на зеленые простыни плащ-палаток. И добродушные лица с брустверов приветствовали шульгинских ребят широчайшими улыбками.

— Рады бачить гарних хлопців...

— Добро пожаловать к мамочке с папочкой...

— Богунову наше с кисточкой...

Шульгинских ребят хлопали по спинам, трепали за плечи, подталкивали, тянули за вещмешки. Бурно радовались оставшимся в живых. Старались заполучить их в свои вырытые окопы. Многим хотелось удержать у себя Шульгина.

Шульгин обычно не закреплялся ни за одним взводом. Взводные офицеры не могли оторваться от личного состава взводов, а Шульгин, как вольный человек, мог остаться с любой группой. Обычно в боевых порядках он располагался с авангардом или возглавлял группу прикрытия. На привалах он мог остаться в любом окопе и везде принимался, как желанный гость. Сейчас солдаты спорили из-за него, и он не успевал перекинуться словом с одними, как над рыхлым бруствером свисала очередная голова:

— Товарищ лейтенант, вы у нас не были. Посмотрите, уютный окопчик. Не то, что развалюха у этих гробокопателей. Это же совсем безрукие. Кто так роет? Пукнуть негде...

В ответ неслось беззлобное:

— Тоже вырыли срамную ямищу. Берлога медвежья, семь на восемь... Нет уж, товарищ лейтенант, оставайтесь с нами. У нас гостиница... Половички даже имеются, гляньте. Просто люкс...

Шульгин смеялся:

— Точно люкс... Метрополь. Хрустальные люстры. Зеркальные стены. Но я, пожалуй, загляну в Асторию...

Солдаты смеялись. Их лейтенант жил в Ленинграде и видел хорошие гостиницы.

Обстрел уже не беспокоил укрепившуюся роту. Солдаты устраивались на ночлег. Отделяли окопы с удобствами. Стелили на дно прошлогоднюю траву. Собирали сухой хворост для скудного костра. Скрипели ножами о консервную жесть, катились вниз по склону пустые банки. Несло от «Метели» ароматным дымком, пряным запахом русской тушенки и крепким уксусом солдатского пота.

Шульгин остановился в окопе у старослужащих.

Сержант Богунов лично оборудовал огромный окоп на шестерых человек.

Стены окопа чем-то напоминали мебельное бюро. В квадратных нишах лежали гранатные «лимоны», рожки, снаряженные патронами, махорочные пачки боеприпасов. На дне окопа, ровном, утоптанном, лежала плащ-палатка чистой скатертью, без складочки, без единой песчинки. Совершенно по-домашнему. Казалось, присмотришь, найдешь веник с совком в уголке. Солдаты деловито готовили ужин. Спокойно поглядывали по сторонам. Знали, сегодня лейтенанта у них никто не отнимет. Сегодня лейтенант останется с ними.

Сегодня у «стариков» орловской роты, у старослужащих всего фэйзабадского полка, да, пожалуй, всей сороковой армии и всей Армии Советского Союза был свой собственный и долгожданный праздник.

Сказочная ночь, чем-то похожая на новогоднюю. Ночь настоящего солдатского утешения. Ночь на 27 марта. Только редкий салага не знал, что завтра в Советском Союзе наступал День Приказа. Приказа, который на срочной службе ждут два долгих года, перебирая каждый день, как четки.

Сейчас в это вечернее время во всех округах лихорадочно крутились барабаны военных типографий, отпечатывая скупые и строгие слова последнего в службе сегодняшних «стариков» государственного приказа.

Завтра, конечно, им не читать сокровенные строчки, но в Советском Союзе завтра каждый, кто ранним утром в мирной тишине откроет почтовые ящики, с шорохом развернет газетную бумагу, раскроет полосы свежих газет — «Правды», «Комсомолки», «Труда», или их военной «Звездочки» — сразу уткнется глазами в ровный прямоугольник черного текста на самых видных местах газетных передовиц.

«Приказ Министра обороны СССР. Приказываю...»

Приказывай, дорогой, приказывай...  
Неприменно отпустить нас домой...  
Вернуть к уставшим от тревоги матерям...  
Возвратить к питающим надежды отцам...  
Отдать нас любимым и ненаглядным, истосковавшимся по ласке...  
Приказывай, дорогой...

Шульгин не мог не знать об этой знаменательной дате, и поэтому к «именинникам» пришел на всю ночь до рассвета.

Меднолицый Богунов, успевший докрасна загореть на первом весеннем солнце, привычными движениями вскрывал тушенку. Кожа на руках и лице была будто ошпаренная. Осенев, легкий, собранный, как сжатая пружина, резал хлеб аккуратными ломтиками и обязательно вдоль, по-граждански. Матиевский нырял в вещевой мешок по самые плечи, извлекал нехитрые походные деликатесы, стелил под консервы газеты, протирал ложки, неторопливо, с достоинством, будто это были ордена. На одной из ложек было написано: «Ищи, с..., мясо».

— Товарищ лейтенант, — сказал Богунов, смущенно кося глазами, — праздник сегодня солдатский. Вы же знаете! А какой праздник без этого?.. — Богунов смутился еще больше. — Без употребления в меру... Разрешите употребить...

— Самую малость, товарищ лейтенант, — подхватил Матиевский, — по махонькой... Без особого злоупотребления. Все-таки до Приказа дожили! Это же солдатские именины. И мы, кажется, заслужили...

Осенев покраснел и тоже присоединился:

— Конечно, неудобно просить... Я понимаю все-таки, пить с подчиненными... Но день сегодня какой... Мы сегодня как породнились. И жизнью, и смертью, товарищ лейтенант. Мы теперь вроде, как крестники. И здесь никто не будет вам «тыкать» после выпитой кружки.

Шульгин улыбнулся:

— Да, все я понимаю, ребята. Бывают же исключения. Я сегодня сам хочу помянуть наших ребят... Не дожили мальчишки одного дня... Одного дня до Приказа. Страшно

обидно, правда ведь... Жуткие посылки собрали на «Большую землю». Да и всем нам сегодня крепко досталось. Как только живыми остались... Хотя на этой войне и живым порою не легче, — Шульгин покачал головой. — То ли еще будет? Так что, доставайте бражку зеленую. Я так понимаю, она у вас с утра плещется во всех фляжках. Как вы только умудрились сварить ее, шустряки...

Действительно, десять дней подряд накануне операции целая бригада офицеров из политотдела и штаба переворачивала весь палаточный городок трофимовского батальона. Вытряхивали постели, солдатские тумбочки, каптерки, даже ящики с песком. Обшаривали ружейные пирамиды, гранатные ящики и патронные цинки. Прощупывали землю возле палаток, розыскивая солдатские бражные «схроны». Бригада не доверяла докладам ротных офицеров, заверявшим, что на территории подразделений незваные зелья отсутствуют.

Матиевский лукаво прищурил глаза:

— Смотрели-то политотделовские ищейки везде. Но вот в моторные отсеки боевых машин в автопарке заглянуть не догадались. А мы специально двигатели прогревали почаще, чтобы бражка сыграла быстрее. И сейчас она у всех во фляжках. Между прочим, даже у вас. Мы вам ее еще в полку подменили. На случай шмона наших вещмешков. Хорошо, что вас за весь день на водичку не потянуло. То-то бы вы удивились...

Солдаты расхохотались, когда Шульгин оторопело вынул фляжку из вещмешка и поспешно открутил крышку. Бражка брызнула из горлышка густой пеной, плеснув на всех теплыми пахучими брызгами.

— Всяких бойцов видел, — сказал Шульгин, — но таких несознательных впервые. Вы же подмочили репутацию политработнику. А если бы у меня сам командир полка попросил водички хлебнуть? А-а? Приедем в полк — всех отправлю на гауптвахту. Будете сидеть до первого вертолета на дембель.

Солдаты рассмеялись.

Праздничный ужин был готов.

Открытые фляжки шипели пузырящей брагой, стояли на расстеленных газетах открытые банки с подогретой кашей, тушенкой, и даже краснела глянцевыми боками редиска с полкового парника.

Все поднялись и, молча, не чокаясь, подняли фляжки.

— За тех, кто не дожил до последнего приказа!

Солдаты замерли неподвижно, каменно.

Фляжки застыли в руках.

— Кто знает, сколько осталось каждому из нас? — Шульгин задумчиво наклонил голову. — Хреново началась операция... Как-то все не так пошло... Ребят потеряли... Теперь вот стоят перед глазами...

Взгляд лейтенанта затуманился:

— Выпьем за погибших... За дорогих наших павших ребят, которых Родина словно злая мачеха нелюбимых пасынков послала в чужую страну. За потери...

Солдаты приподняли фляжки. Глотнули шипучую пену... Опустили вниз посеревшие лица.

Матиевский проговорил:

— Новые солдаты будут получать вечные казенные квартиры.

— Хотелось, чтобы Родина все-таки помнила погибших, — вздохнул Осенев, — а то ведь на памятниках павших афганцев до сих пор не пишут, где и за что погиб... Только по-граждански, годы жизни...

— Точно, Осень. Ведь все же сразу узнают, что из Афганистана цинк пришел. Весь город сходится на похороны. Только глухие и слепые ничего не знают. А писать прямо

нельзя... Кремлевские тайны... Нет, мол, никакой войны, нет никаких погибших, — раздраженно сказал Матиевский.

Когда все уселись на плащ-палатку, Матиевский придвинулся ближе к Шульгину, приглушенно пробормотал:

— У нас, товарищ лейтенант, сегодня и Приказ, и поминки, и именины. Словно заново родились. Было бы здорово собраться после этой войны за одним столом и посидеть, поговорить по душам... До рассвета... Товарищ лейтенант, приезжайте в гости... Вы наши жизни уберегли, — Матиевский вздохнул и добавил тихо, — наши матери вам теперь обязаны...

— Ко мне первому приезжайте, — вмешался меднолицый Богунов, — я в Крыму, в своем доме живу. А в Крыму, между прочим, море... Знаете, что такое море? Слушайте, люди...

Богунов набрал полную грудь воздуха, взмахнул руками, но так ничего и не сказал.

Только закатились васильковые глаза за бруствер окопа. И захрипела шорохами эфира радиостанция.

— «Метель-один», «Метель-один», вызывает Большое хозяйство, прием!

«Большим хозяйством» называлась станция оперативного дежурного в полку, предназначенная для связи командира полка со службами, оставшимися на основной базе. Сейчас эта станция была в ведении дивизионного генерала. Шульгин с удивлением пододвинул радиостанцию поближе. Оперативный дежурный никогда не выходил на прямую связь с младшими офицерами.

— Большое хозяйство, «Метель-один» на связи.

— Метелюшка! — ворвался вдруг в эфир взволнованный женский голос. — Слава Богу, ты живой, бедовая моя головушка!..

## 9

— Ленка, открой же ты, наконец, — звенели за дверью перебиваемые оглушительным стуком голоса медсанбатовских девчонок.

Они ввалились в комнату женского модуля растрепанные, взбудораженные.

— Ты что, дуреха, совсем ничего не знаешь, — затараторили они наперебой.

— Две «вертушки» сбиты...

— Только что ребят привезли для «Черного тюльпана»...

— Мамочки, ничего от них не осталось, одни кусочки... Никого не узнать!..

— Раненых много. Тяжелые. Вертолеты с ними уже в воздухе...

— Что там творится, что творится!..

— Игорь Иванович, приказал тебя срочно в операционную вызвать...

— А ты с ума сошла!.. Занавесилась... Сидишь в темноте...

— Ой, что это с ней, девчонки?..

— Ты куда, ненормальная?..

Они разлетелись в стороны от рванувшейся к выходу Елены. Задрожали стены, и разорвались бумажные обои у косяков от хлопнувшей с треском двери. Упала со стола с жалобным звоном фарфоровая китайская чашка.

— Ой, девчонки, ну, мы и дуры старые, — глухим шепотом сказала одна из девушек. — У Ленки же Шульгин на первой паре подорвался.

Елена летела, не разбирая дороги. Лицо у нее пылало. В голове стоял страшный гул, сквозь который пульсировала ужасная мысль: он погиб, погиб, погиб...

От этой кошмарной мысли не хотелось жить, слабело все тело, и сердце, казалось, каменело и едва билось ледяными толчками.

Елена влетела в подземелье фаязабадского морга растрепанная, дрожащая, опустошенная. И когда горящий взгляд ее наткнулся на груды останков тел, собранных шульгинскими ребятами, неловко прикрытых медсанбатовскими простынями, липкая хватка животного ужаса сжала ее сердце. Белые стены качнулись и поплыли, меняя свой цвет на туманный сгущающийся мрак.

Она очнулась от резкого неприятного запаха нашатыря. Где-то рядом мальчишеский голос твердил упрямо и громко.

— Только вы их не путайте. Мы их еле опознали. Лейтенант велел мне лично за всем тут проследить. Сказал, голову снимет, если перепутают. Лейтенанта нашего все знают...

— Какого лейтенанта? — еле слышно прошептала слабая Елена, поднимаясь на колени и отталкиваясь от испуганного начальника медслужбы, нависшего над ней с нашатырем.

— Как это, какого лейтенанта? Нашего... Шульгина Андрея Николаевича. Он знает, какой, если что не так...

— Андрюша живой... Шульгин живой, — жалобно всхлипнула Елена, не веря еще своему нежданному счастью.

— Ну, голубушка, — густым басом заворчал начальник медслужбы, лысоватый пожилой майор. — Да твой Шульгин с того света к тебе вернется. Приползет на одном характере. Это же гусар. Крепкий мужик. Поднимайся, поднимайся. Нашла время в обмороки падать. Вон уже вертушки с ранеными садятся одна за другой, а у тебя еще инструмент не готов. Работы много будет. Беги, беги, голубушка...

Он улыбался в рыжие пшеничные усы, глядя, как жизнь возвращается на мраморное, прекрасное лицо Елены, как наливаются упругой силой безжизненные, вялые руки.

— Я сейчас буду готова, — тихо сказала Елена.

Поднялась, слегка пошатнувшись. Потерла виски и побежала к выходу, боясь оглядываться на ужасные окровавленные плащ-палатки.

Следующие семнадцать часов Елена провела в страшном напряжении непрерывных операций.

Несколько раз она ложилась сдавать кровь для ослабевших раненых.

И каждый раз вставала, и, отклоняя предложение хирургов идти отдыхать, вновь становилась к операционному столу.

Врачи поглядывали на ее побелевшее как мел лицо с тревогой, но руки старшей операционной сестры двигались с такой отточенной быстротой, что хирурги только пожимали плечами и продолжали свое важное врачебное дело.

К вечеру даже у них, сильных мужиков, дрожали ноги, и когда последнего раненого переложили на носилки, один из хирургов сел прямо на пол, не в силах дойти до кушетки.

Аккуратная Елена спокойно прибрала операционную, сложила в боксы инструмент, и тихо спросила у мужчин, сидящих на стульях, подобно расквашенному расплзающемуся тесту:

— Кто знает, как можно связаться с ребятами в горах?

— Да что вы, Елена Сергеевна, — вяло ответил один из хирургов, — как с ними теперь свяжешься? Наверное, никак... Если только к оперативному дежурному обратиться. Но там сейчас генерал возле станции на связи. Дежурный не поможет... Гиблое дело. Пропадшее...

— Точно... Дежурный не поможет. Можно не обращаться. Он за связь головой отвечает. Ему за это по звездочке с каждого плеча могут оторвать.

— Игорь Иванович, — обратилась Елена к начальнику, — проводите меня к дежурному, я вас просто умоляю.

Голос ее задрожал.

— Что только для вас не сделаем, — сквозь дрему откликнулся начальник. — Золотая вы наша, Елена Сергеевна. Поднимаюсь, иду, иду...

Но поднялся он не сразу, хотя и казалось ему самому, что он страшно спешит. С трудом оторвался он от кресла, медленно выпрямился, покачнулся и неуверенными шагами направился к выходу, часто и глубоко зевая. Елена отправилась за ним, сбросив на кушетку халат в брызгах потемневшей крови.

Они прошли через весь полк, притихший в темноте, мимо каменной громады клуба под черным металлическим шарообразным сводом, мимо спортивного городка с качающимися на ветру черными крышками, мимо ангара солдатской столовой к штабному деревянному модулю.

Перед модулем шумели на ветру зеленые кусты огромных роз, шуршал под ногами просеянный песок. Дежурный курил возле входа. Он тоже качался от усталости после этого горячего денька, страшной суматохи штабной оперативной работы.

— Здорово, капитан, — бодрым и немного фальшивым голосом сказал начальник медицинской службы. — Как там генерал дивизионный, всех довел до дрожи?

— Довел, как же, — отозвался оперативный. — В советской армии, что ни генерал, то зверь. Нечеловеческая порода. Крикнет, кровь леденеет. Хорошо, что наш командир — всего лишь подполковник. Замордовались бы мы с генералами...

— Вот что, товарищ капитан, — осторожно начал Игорь Иванович, — помог бы ты нашей сестричке.

Дежурный расплылся в улыбке:

— Что за проблемы. Сейчас порешаем. Я же ее хорошо помню. На операции у ней лежал... В лучшем виде меня обработала...

Елена выступила вперед и сказала зазвеневшим в тишине, напряженным голосом:

— Товарищ капитан, я вас очень прошу... Только не отказывайте, умоляю... Вызовите для меня по связи «Метель-один»...

Она качнулась, когда дежурный раздраженно замахал руками.

— Да вы что, с ума сошли. Вы что... Это же оперативная связь...

Дежурный даже затряс головой, так что шапка съехала на плечо.

— Там же Сидорчук-зверь на прямом проводе! Здесь генерал, понимаешь, бдит! Съедят же сразу! Без закуси! Что вы, не понимаете?.. Вы в своем уме?..

Он махнул рукой и хотел было уже отвернуться от Елены, как она с силой вцепилась в его рукав.

— Это я не в своем уме? Забыли уже, совсем забыли... Вы сейчас, конечно, при своем уме и здоровыми ручищами машете, а кто вас, бессознательного, с вертолета снимал? Кто переносил вас на операционный стол? Кто пулю из руки вырезал? Забыли, при своем-то уме... Это я тогда артерии ваши нежные берегла, чтобы не одеревенела рука, не стала парализованной. А вы сейчас очень здорово машете... Своими здоровыми руками... Невозможно, нельзя... Съедят вас...

Елена захлебнулась от слез.

— Игорь Иванович, как же он так может?..

— Ну, Елена Сергеевна, — взмолился оперативный, — что вы сразу-то... Да я что? Да я ничего... Мне себя совсем не жаль... Честное слово! Пусть меня хоть десять раз снимают. Ради вас готов хоть к расстрелу через повешение...

Оперативный решительно развернулся в сторону штаба.

— Только тихо, на цыпочках и говорить шепотом. Может, генерал и не проснется. Спит второй час, прямо, как медведь в лежке...

Они на цыпочках зашли в дежурную комнату. Елена села на стул перед большим корпусом радиостанции. Взяла в руки нагретую коробочку с микрофоном. И зазвенел в эфире ее слабый печальный голосок:

— Метелюшка...

Заворочался в кресле тучный генерал. Заулыбался во сне. Видно женский голос направил его дрему прямо в домашние стены, к зеленому бархату штор, крахмальной чистоте ска-тертей, золотым абажурам с дрожащей бахромой... Эх-эх...

И ничто не нарушило краткий минутный разговор Елены с Андреем. Весь эфир замер в смущении. Только после их разговора, спустя минуту, раздался в наушниках голос командира полка:

— Капитан Черненко, я тебя за это хулиганство в эфире с дежурства должен снять. Но не снимаю... Объявляю нестрогий выговор. Понял... А с Елены Сергеевны спросу нет. Я ее понимаю. Конец связи...

## 10

*Кому-то коньячок и осетринка  
И пива запотевшего бокал.  
А в речке Кокча водится маринка.  
Костлявей рыбы в жизни не едал.*

Тихие голоса еле слышно клокотали на дне окопа. Голоса не оперные, не манерные. Скрипучие, прокуренные.

*А где-то даже женицин обнимают,  
Которые не стоят ничего, ну, ни чека...  
А в Файзабаде по ночам стреляют,  
И пули пролетают сквозь окно...*

Временами раздавался приглушенный смех. Кашель, а не смех. Шульгин, согревшийся, укрытый плащ-накидкой, не мог заснуть. Черное звездное небо давило ковшом. Но стоило отвернуться от звезд и закрыть глаза, как медленно наваливался ужас. Тот ужас, бояться которого раньше не хватало времени.

Шульгин с товарищами лежал на потушенном костровище. На теплой земле, где только что горел костер, на котором грели консервы и кипятили чай в металлических фляжках. Угли были выметены. Наброшена палатка. И лежали на горячем пяточке многоопытные солдаты, разметавшись под бушлатами, зная, что теплая от костра земля не скоро остынет под их телами. И Андрей ворочался с боку на бок, мучаясь и представляя, что какой-нибудь забытый уголек сейчас прожжет сухую ткань, и вновь вспыхнет и заискрится бушующий вездесущий огонь, подобный тому, пожравшему вертолет беспощадному пламени.

Шульгин мысленно отмахивался от этой совершенной глупости, беспокожно ворочался, но взгляд неожиданно наткнулся на черные глинистые стены окопа, и перед глазами вставали обгоревшие и смрадно пахнущие останки погибших солдат в черных потеках свернувшейся крови.

*Вот ракета пошла,  
Начинаем мы работу.  
Лезем прямо с борта  
Под огонь их пулеметов.  
Вот теперь поглядим,  
Кто умеет воевать?  
ДэШэКа, твою афгано-мать.*

Абсолютная нелепица лезла Андрею в душу. Красная, похожая на лопнувший помидор щека летчика. Тела солдат, катающиеся по бугристому днищу вертолета. Пустое дымное небо в иллюминаторах. Но самое страшное — расстеленная на пашне палатка, почерневшая от крови.

Шульгин и раньше знал, что погибшие ребята часто возвращаются к «афганцам» в кошмарных снах. Знал, как невыносимо тяжелы эти удручающие свидания. Это мгновенная испарина у спящих солдат. Пропасть без дна. Долгая изнуряющая бессонница. Может поэтому, сколько бы Шульгин не закрывал глаза, сдавливая их до рези, — сон не шел.

*Так что ты, кукушка, погоди  
Отмерять чужую долю чью-то.  
У солдата вечность впереди.  
Ты ее со старостью не путай.*

Андрей приподнялся. Разглядел длинную фигуру дежурного по окопу Матиевского. Тот продолжал бормотать песню, перемешивая слова с раздирающей скулы зевотой.

— Виноват, товарищ лейтенант... Я, наверно, мешаю, — раздался из темноты голос Матиевского. — А наши ребята любят. Они мгновенно засыпают под мою тягомину. Говорят, что я не пою, а хрипло плачу. Говорят, лучше сразу заснуть, чем мои вопли слушать...

Шульгин махнул рукой:

— Пой дальше. Терпимые вопли.

Закурил. Привычно спрятал огонек в кулак. Здесь даже по крохотному сигаретному огоньку могла прийти в гости снайперская пуля. Запрокинул голову в небо. Надолго ли эта бессонница?

Со стороны полка из далекой непроглядной темноты послышался тяжелый гул. Константин угадал залп полковых гаубиц. Дыхание бога войны. Не спали артиллеристы. Начали обстрел соседних вершин. Сооружали вокруг полкового десанта огневой заслон. Если где-то рядом бродили «духи» враждебными приведениями, то для них сейчас выпадет осколочный дождь.

Действительно, над соседними скалами повис «Первый» прицельный осветительный снаряд. Желтый негаснущий шар. И через некоторое время на эти скалы посыпались снаряды. Протяжное эхо взрывов понеслось над вершинами. Ветер пахнул горьким дымом.

Солдаты на дне окопа спали невозмутимо крепко.

Матиевский поглядывал вокруг с удовольствием.

— Вот это приятная музыка! Дома по ней скучать буду. Что за ночь без взрывов, выстрелов? Из домашней подушки перья в ноздри ползут. Живот, битком набитый, аж выпучит его. Во рту котлета недожеванная, тьфу-у... — Матиевский сплюнул, — спать не захочется.

Над соседними скалами воздух рвало, как простыню. Беспокойно колыхались среди вспышек огня черные тени. Шульгин машинально нащупал рукой радиостанцию. Безотчетно пододвинул ее поближе. В груди шевельнулась неясная тревога, будто влажной холодной рукой провели по спине.

А в следующее мгновение он увидел прямо над своей головой вспыхнувший желтый светящийся грибок на невидимом парашютике. Такой же желтый немигающий шар горел несколько минут назад над соседними вершинами. Прицельный осветительный снаряд.

Шульгин рванул к себе радиостанцию и крикнул поверх спящей высоты так, что у Матиевского заложило уши:

— В окопы... Всем в окопы... Немедленно...

Матиевский ничком свалился вниз. А Шульгин наоборот высунулся наверх, и, натягивая наушники на голову, продолжал кричать зычно и раскатисто. Когда последнюю фигурку дежурных солдат слизало на дно окопов, и попрятались повсюду черные пятна голов, лейтенант и сам нырнул вниз, уткнувшись в теплые ожившие тела солдат. И вовремя. В то же мгновение вершина вздрогнула, и землястые стены окопа развернулись и осыпались вниз. С барабанным грохотом полетели на плащ-палатку крупные комья земли. Засвистело, запело над головой звенящими струнами летящих осколков. Отозвалось со всех сторон лающей солдатской руганью.

Шульгин стряхнул с лица землю и немедленно вышел на связь:

— «Первый». Я, «Метель-один», прием. Нахожусь под обстрелом нашего полкового артдивизиона. Прошу немедленного прекращения огня. Мои люди под обстрелом. Прикажите прекратить огонь. Я, «Метель-один»... Прием...

В наушниках тут же отозвался скрипящий сердитый голос:

— «Первый» на связи. Людей в укрытие. Доложите о раненых. Пострадавшим оказать помощь. Как понял меня, прием...

Шульгин хотел ответить, что люди, слава Богу, в укрытии, что о раненых доложить невозможно, и что если хоть один ранен, или, не дай Бог... то этим артиллеристам... Но в это время земля рядом вздрогнула, стены окопа вздыбились, поднялись в воздух и рухнули прямо на лежащих людей. Окоп смяло, как пустой бумажный стаканчик, сравняло с землей, завалило рваными дымящимися глыбами. Снаряд разорвался в полуметре от окопа. Из развороченной земли над бывшим окопом старослужащих торчала только погнутая безжизненная антенна.

## 11

В дачной электричке Анна Ивановна, озябшая на сквозных весенних ветрах, долго не могла согреться. Дуло из оконных щелей пронзительно и сыро. Хлопало дверью в тамбуре. Тянуло по вагону прогорклым сигаретным дымом.

Но все это внезапно отодвинулось, ушло на второй план. Потому что послышалось позади в шорохе неудачной магнитофонной записи:

*Вот ракета пошла.  
Начинаем мы работу.  
Лезем прямо с борта  
Под огонь их пулеметов...*

Анна Ивановна напряженно скосила глаза и увидела молодых лейтенантов в распахнутых шинелях. Обыкновенные лейтенанты, только загоревшие по-южному и с какой-то затаенной грустью в глазах.

*Утро звезды прогонит,  
Навеет неясный туман.  
И неясный в тумане  
Поднимется Афганистан.  
Кишлаков, караванов  
далекий послышится гул...  
И давно уж афганец сердитый  
костер наш задул...*

— Что еще за Афганистан? — недоуменно подумала Анна Ивановна. — Где это? Это же, вроде бы, очень далеко, за туркменскими пустынями, за таджикскими горами, в неведомой русскому сердцу дали... Почему эти молоденькие лейтенанты так грустят над этой странной песней?

И Анна Ивановна хотела уже расспросить их, преодолевая смущение, как услышала за спиной чей-то мальчишеский голосок:

— А это у вас ордена, да? Настоящие, да? Можно потрогать... Ого-о-о!..

И послышался забытый звон наград, который Анна Ивановна когда-то слышала на груди своего отца.

— Это Красная Звезда? Ух ты!.. А эта с танком за что? За отвагу? Ого-о-о!.. Это тоже орден?

— Это солдатский орден, — послышался добродушный голос. — И тебе может достаться. Пойдешь в армию, а там «за речку» и получай свои награды...

— За какую речку?

— Это выражение такое... За речку — это за границу. В Афганистан...

— А что там?

— Война там, братишка...

И тут Анна Ивановна услышала басовитый кашель.

— Вы бы, товарищи, поменьше распространялись, — проскрипело с соседней лавки. — Все-таки, офицеры... При погонах, при звездах. Понимать должны. Советский Союз войн не развязывает... Мы демонстрируем только мирное сосуществование... Мы не

агрессоры. Так-то вот! А ваша информация дискредитирует... И вообще... Вы бы запахнули шинельки-то. В вагоне не жарко...

И тут добродушный голос, отвечавший только что мальчугану, налился сталью.

— Это вы точно, папаша, заметили... Мы сейчас мирно сосуществуем. Никакой войны нет... Ордена нам за строевую подготовку дали. За вытянутый на параде носочек. За подбородочки, скошенные на трибуну... И вот эту хреновину, дядя, — лейтенант вдруг задрал брючину и стукнул костяшками пальцев о пластиковый протез, — я тоже на параде получил. Прямо на Красной площади...

Его пытались остановить, тянули за полу шинели, тряхнули за лейтенантский погон, но он все же закончил:

— Удобно вам всем ничего не знать... Глаза закрыли, уши заткнули... Нет войны... Ничего нет... Ничего не видим, ничего не слышим. Ни цинковых гробов матери не получают, ни валяются в госпиталях калеки. Ничего такого нет? А этот костыль вам подарить на память?

Лейтенант стукнул ногой оглушительно громко на весь вагон и вдруг крутанул до отказа ручкой магнитофона:

*Я тоскую по родной стране,  
По ее рассветам и закатам.  
На афганской выжженной земле  
Снят тревожно русские солдаты...*

И солидный басок зашипел:

— Да они же все пьяные... поголовно... Доложить надо... Куда следует...

И горохом посыпались на него горячие реплики:

— Вовсе они не пьяные...

— С войны ребята едут...

— Настрадались... Правильно... Чего молчать...

— Докладывать гад собрался... Стукач...

— По шее бы ему, толстомордому...

И мальчишеский голосок зазвенел восторженно:

— Я тоже за речку хочу... На войну... А я успею?..

И уставший голос отвечал:

— Если так дело пойдет, и ты успеешь... Ни конца, ни края не видать этой войне...

И еще один молодой женский голос спросил:

— А кто это так хорошо поет?

— Наши поют... Саша Кирсанов с группой «Каскад», Андрюша Шульгин из Файзабада. С Шульгиным я в одном полку служил. Это мой лучший друг. Если бы не он, навечно остался бы я на минном поле... Вытащил меня Андрюха. От смерти спас... Вот такой парень!.. Вот такой!..

И Анна Ивановна живо представила себе энергичный мальчишеский жест большим пальцем. Кто такой этот Шульгин? Где этот Файзабад? Откуда вообще взялась эта неведомая, покрытая тайнами война? Кому и зачем она нужна? Мирно жили, мирно трудились... Кому захотелось нарушить эту мирную жизнь? Кому захотелось невероятных ужасов войны?

Застонало материнское сердце, внезапно похолодела кровь, и Анна Ивановна вдруг бессвязно подумала:

— Почему же все-таки полевая почта? Почему у сына нет нормального адреса?

И она уже хотела спросить у лейтенантов, знают ли они такую часть, пэ-пэ восемьдесят девять девятьсот тридцать три. Но не успела. Заскрипели тормоза электрички, мелькнули

за окном полосатые столбики загородной платформы. Хлопнули двойные вагонные двери, отсекая парней с войны от мирных людей. И недопетой осталась песня:

*У солдата вечность впереди,  
Ты ее со старостью не путай...*

## 12

По дымящейся остывающей высоте бродили черные фигурки.  
Разгребали заваленные окопы.  
Вытаскивали из песчаных завалов засыпанные палатки.  
Плевались землей.  
Устало шаркали ногами.

Окоп с Шульгиным сначала обходили стороной. Слишком огромной казалась в темноте пахнувшая гарью воронка. И, может быть, вообще до утра не обнаружили их братскую могилу, если бы земля вдруг не зашевелилась, и среди глинистых комков не показалась бы грязная растопыренная пятерня. Вслед за пятерней возник черный бугор плеча, и, наконец, чумазый ком головы. Тут же прозвучал рычащий, плюющийся голос:

— Похор-р-ронщики хреновы! Глаза разуйте, тьфу-у-у на вас! По живым людям ходите...

Богунов вывернул свое мощное тело из земли. На его голос со всех сторон сбежались товарищи. И хоть голос этот нещадно матерился, скрипел песком на зубах, плевался, сыпал проклятиями, ему несказанно обрадовались. Комья земли полетели во все стороны торопливо и яростно.

— Все живые, — сержант, часто отплеываясь, рыл землю руками, — все шевелились подо мной. Тьфу-у-у... И лейтенант живой. Подталкивал меня коленом под зад... Тьфу-у-у... Ну, живучий, наш лейтенант! Везет нам с ним! Тьфу-у-у... Сколько раз уже хоронят, не похоронить. Тьфу-у, тьфу-у... Тащи их живее, ребята. И воды несите побольше. Наглопались земли по это самое, не балуйся... Тьфу-у, тьфу-у...

Вскоре откопали всех. Очумевших, оглохших, залепленных землей. Они сморкались, плевались, беспомощно жмурились глаза. Матиевский долго тряс головой. Потом прохрипел с кашлем:

— Лейтенант-то живой? Ни фига же не вижу... Глаза, кажется, землей выдавило...

Шульгин отозвался с хрипом:

— Я в порядке. Бывает хуже... Слава Богу, вроде дышу... Только в голове сильно гудит... Кажется, все живы, черви земляные, а-а? — повернулся он испачканным лицом к солдатам. — Как остальные? Потери есть? Командиру докладывали?

Из темноты донесся голос:

— Докладывали. Только что... Потерь нет. Кроме вас...

— Как это? — Шульгин поперхнулся. — Кроме нас?..

Голос виновато пояснил:

— Так вас же нигде не было. Вон ведь как вас аккуратно завалило. Ровным пластом. Мы же фонарями светили... Рядом пустая воронка, даже котелков не нашли... Вот и доложили... Думали, разнесло вас всех. Вдребезги... Как ребят с вертушки...

Шульгин затряс головой:

— Как это разнесло? Кого вдребезги? На-ас?.. Да вы знаете, что сейчас?.. Да вы же всех на уши... Ну, вы даете?..

Шульгин потрясенно замолчал. Потом нервно рассмеялся.

— Стоило выбираться с того света, чтобы узнать, что ты умер. Ну, вы даете, юноши? Радиостанцию, живо... И запомните, похоронщики. Не спешите хоронить своих. Надо искать без устали. Искать до последнего... Не теряя надежды... Постучите по своей дряхле.

Принесли радиостанцию. Лейтенант нажал на тангенту:

— «Первый», я, «Метель-один», прием. На связи Шульгин. «Первый», я, «Метель-один», прием...

В эфире раздался резкий ворчливый голос:

— Шульгин?.. Что за шутки? Кто докладывает? Я — «Первый», прием.

Шульгин прокашлялся:

— Докладывает Шульгин. В моей группе потерь нет. Ни одной потери. Повторяю, ни одной потери. Все целы. Я, «Метель-один», прием.

— Шульгин? То есть, как Шульгин? Как это все целы? Кто докладывает? Прием...

Долго в эфире стояла полная неразбериха. «Первый» все пережевывал слово «потери», хрустя им на зубах, как стеклом, пока Шульгин не взорвался:

— К еб... фени... все потери! Несколько человек завалило взрывом... Нажрались земли досыта, как шахтеры в забое. Сознание на время потеряли... Теперь все в порядке. Вроде, все целые. Возможно, только немного контужены. Словом, отделались испугом...

Голос в эфире крякнул:

— Теперь все ясно. Теперь понятно. Ну, и дела там у вас! Напасти на вас сыплются, как из ведра. Ты, Шульгин, наверное, неприятности притягиваешь... Держись, лейтенант... Вопросы есть?

Шульгин ответил не спеша:

— Есть один вопрос... Кто был артнаводчиком, кто корректировал огонь отсюда, с нашей стороны? Очень интересно узнать эту фамилию.

Первый ответил нехотя, с недовольством:

— Огонь артиллерии корректировал лично командир артдивизиона. Он сейчас рядом со мной. Принимает непосредственное участие в операции.

Шульгин с хрустом сжал тангенту, желваки выступили на скулах:

— У меня просьба, товарищ «Первый», передать командиру дивизиона, а при встрече я скажу ему тоже, — Шульгин взорвался кашлем, сжал рукою ноющую грудь, — если он вышел в горы, чтобы заработать орден на грудь, то пусть занимается делом по-настоящему...

Голос «Первого» стал сухим, неприязненным:

— Вы вдвое моложе командира дивизиона, товарищ лейтенант.

Шульгин ответил, твердо выделяя каждое слово:

— Мне кажется, на войне моложе тот, кто хуже воюет...

## 13

Возвращалась с дачи Анна Ивановна под вечер. В сумерках запирала калитку на висячий замок. Спешила по утоптанной тропе на перрон. Вздрагивала от вечерней прохлады. Мягкие лапы ветвей цеплялись за одежду. Длинные тени сплетались в паутину сумерек. Остались позади весенние дачные хлопоты.

Как не хватало Анне Ивановне мужских рук в разросшемся за два года саду. Как ловко подрезал бы сын ветвистые яблони, выровнял кроны вишневых деревьев, распорядился бы по-мужски с кучами хвороста в саду. Истосковался сад по своему любимцу, давшему жизнь каждому деревцу, каждому кустику.

Где ты, хозяин, поменявший лопату на штык?

Где твои крепкие, заботливые руки?

Когда обласкаешь ты зеленые косы раскидистых яблонь?

Когда встряхнешь цветастый подол ранней сирени?

Анна Ивановна вздыхала, не таясь, и выпрямлялись под ногами повороты дачной тропы.

Показался перрон, полный дачного люда и жителей подмосковных окраин. Были среди прочих военные, только не офицеры, а молодежавшие худощавые паренки с полосками на погонах. По соломенной букве «К» догадалась Анна Ивановна, что это курсанты какого-то московского училища.

Они громко перешептывались и заразительно смеялись, жизнерадостные и подвижные, как ртуть.

Когда в сумерках вспыхнули огни подходящей электрички, Анна Ивановна подошла поближе к путям. И зашипели сжатые тормоза, взвизгнули скандально запыленные двери. Повалил народ в обе стороны. Горохом посыпался стук каблучков.

Курсанты не рванулись вместе со всеми, напротив, пропускали всех, встав по обе стороны дверей часовыми. Они и Анну Ивановну пропустили вперед и даже подтолкнули под локоток.

И когда Анна Ивановна уже проходила в вагон, нетерпеливо дернулся поездной состав. И с этим рывком вновь скандально взвизгнули двери, и вдруг послышался жалобный тонкий крик, словно ребенку прижало пальцы.

Анна Ивановна резко обернулась и увидела, как замерла в проходе девушка в просторном плаще. Курсанты с трудом держали рвущиеся двери. А девушка, оказавшаяся между сжимающимися створками обхватила большой живот, как обхватывают арбуз, и жалобно стонала тонким плачущим криком.

Анна Ивановна рванулась к девушке, подхватила ее за плечи и бережно втащила в тамбур. Курсанты отпустили сжимающиеся створки дверей и ухнули стекла с лязгом, дернулась электричка в неудержимом порыве, загудели электрические дуги.

— Что же вы, милая моя, — зашептала Анна Ивановна, — в таком положении путешествуете? Разве так можно?

Но девушка не отвечала. Она испуганно сжимала круглый живот и зевала от страха и напряжения.

— А ну-ка, парнишечки, помогите, — кивнула Анна Ивановна курсантам. — Освободите место в вагоне. Лавка нужна свободная. Видите, девушка в положении.

Курсанты понимающе переглянулись и рванули створки дверей. Анна Ивановна двинулась за ними, придерживая девушку за руку.

— Сюда, пожалуйста! — звонко крикнул худощавый курсант и замахал рукой. — Здесь свободно!

Девушка садилась медленно, будто внутри у нее было что-то хрустальное. Она испуганно гладила по выпуклой ткани плаща и не сводила глаз с оторванной в давке пуговицы.

— Нельзя вам ездить без провожатых, — укоризненно сказала Анна Ивановна. — Вы на каком месяце?

— Девятый пошел, — еле слышно прошептала девушка, и пшеничная прядка закрыла тонкую бровь.

— Ну вот, девятый пошел... А вы путешествуете без мужа, — покачала головой Анна Ивановна. — Он вас хоть проводил?

Девушка неопределенно повела плечом, и вдруг из зажмуренных глаз выступили слезы.

— Понятно, — вздохнула Анна Ивановна, — мужа скорее всего нет... Бывает так... Время сейчас такое...

Но девушка упрямо закачала головой:

— Есть у меня муж! Есть! Очень хороший муж! Лучше всех! Санечка мой...

И опять колыхнулись в зажмуренных глазах жемчужные слезы.

— Да вы не волнуйтесь, — испугалась Анна Ивановна. — Есть муж, и слава Богу... Наверное, работает... Проводить не мог...

Девушка вновь закачала головой и сказала еле слышно.

— Он не работает... Он воет...

И руки у нее бессильно разжались.

— Он в Афганистане...

И тут уже у Анны Ивановны перехватило горло. Опять Афганистан! Опять эта далекая неведомая страна. Что же это? Почему так часто рвет душу это огненное слово? Неужели так много уже связано в России с этой непонятной скрытой от всех войной?

И курсанты заметно подтянулись рядом с беременной женщиной, подобрались, посерьезнели, и беспечные улыбки у них стерлись с лица. Курсанты, поди, знающие ребята, подумала Анна Ивановна. Наверное, они слышали гораздо больше других об этой необъявленной войне.

Анна Ивановна положила ладонь на руку девушки и стала поглаживать ее по-матерински, нежно и бережно.

— Ничего, моя милая, — она покачивала головой, — все пройдет, все уладится, останется только хорошее. Муж будет рядом. Возьмет тебя вот так за руки, успокоит. Что ж с того, что на войне... И с войны возвращаются живыми, невредимыми. Я отца своего дождалась с войны. Сына сейчас жду из армии. Доля наша такая женская — ждать...

Она говорила напевно, ласково, словно заговаривала боль. Но только текли жемчужные слезы по щекам девушки, и губы сжались в тонкую полосу.

— Больно, — вдруг прошептала она и сжала обеими руками низ живота. — Зачем я поехала? Зачем-ем?.. Что же это?.. Ка-ак же та-ак...

Она потеряла натянутый на животе плащик, и жалкая гримаса перекосила ее лицо.

Анна Ивановна переспросила с беспокойством:

— Девятый месяц уже пошел... — и кивнула головой в сторону тамбура. — Сильно тебя сжало там?..

Девушка пожала плечами.

— Не помню... Испугалась я. Двери поехали прямо на живот. О-ой...

Она вздрогнула и поджала ноги. Глаза у нее округлились от ужаса.

— Зачем-ем я поехала?..

— Да что же ты? — сердито сказала Анна Ивановна — Чего ты боишься? Люди же кругом! Свои, советские люди... Мы тебя не оставим. Ты прислушайся к себе. Как у тебя болит, милая? Скажи мне, я ведь тоже рожала...

Девушка наклонилась к Анне Ивановне и прошептала:

— Весь низ живота ноет. И еще жмет по всему поясу, как обручем... Зачем я только поехала...

Но Анна Ивановна перехватила девушке руку повыше локтя:

— Вот и хорошо, что поехала. Ничего страшного. В Москве рожать будешь. Сразу с вокзала и поедем в роддом.

И повернулась к курсантам.

— Вот что, мальчики! Задание к вам военное! От жены воюющего солдата. Идите в голову поезда прямо к машинисту. Доложите, что в поезде у женщины родовые схватки начались. Пусть вызовут по своей связи «Скорую» прямо к перрону. Медлить уже нельзя, — Анна Ивановна махнула им рукой. — И главное скажите, что муж у нее в Афганистане...

Девушка побледнела, закусил губы. А курсанты рванулись с места, подстегнутые ее слабым стоном.

— Он не солдат, — жалобно прошептала девушка.

— Кто не солдат? — наклонилась к ней Анна Ивановна.

— Мой муж не солдат. Он офицер, — еле слышно произнесла девушка, — командир взвода. лейтенант Алешин.

## 14

Неудачно начался день для авангардной роты файзабадского полка. Не успела «Метель» сняться с вчерашних позиций и продвинуться вперед на соседние высоты, навьюченная амуницией и боеприпасами, как тут же наткнулись орловские солдаты на хорошо укрепленные, обложенные валунами душманские укрытия.

Встретивший их противник словно заранее знал, в каком направлении выйдут сегодня роты на боевые действия.

Солдаты залегли под огнем, низко бредущим затылки.

Начали вгрызаться в землю.

Недалеко от Шульгина замешкался молоденький младший сержант. Испуганно застыл и словно окаменел. Только и догадался перегнуться пополам и выставить навстречу летящим пулям напряженный мокрый лоб.

Огонь душманов немедленно перекинулся на эту скорченную мишень.

В сознании Шульгина промелькнуло воспоминание.

Он вспомнил, что этот беспомощный младший сержант, недавно прибыл из учебной части Союза. Начавшийся обстрел был самым первым в его короткой военной жизни. Уже рванувшись к нему на бегу, Андрей подумал, что вообще не стоило брать его на такую сложную операцию. Лучше было бы оставить его в наряде, мести пыль между ротными палатками.

С первых дней прибытия в полк этот парень начал мочиться в постель. В Афганистане такое случалось. Подготовка младших командиров в учебных частях Союза оставляла желать лучшего. Приходили «из-за речки» физически слабые, немощные, незакаленные, зачастую парализованные страхом. Как правило, младших сержантов из союзных учебок тут же лишали званий. Некоторое время они еще носили лычки на погонах, но уже командовали ими старослужащие рейдовых рот, проявившие настоящий характер в боевых операциях. А позже липовые сержантские лычки летели в мусорные баки. Афганская школа службы оказывалась надежнее напрасно потраченных шести месяцев учебы в союзных учебках.

Еще Шульгин вспомнил, что командир первого взвода Алешин написал рапорт о переводе и разжаловании этого горе-сержанта. Рапорт, подписанный командиром роты Орловым, утонул в штабной канцелярии.

И, конечно, давно уже не был ни для кого этот юный сержант начальником. Даже для самого себя. Но сейчас к нему со всех сторон сбегались люди.

Бежал долговязый Матиевский, размахивающий, словно коромыслом, снайперской винтовкой. Бежал ротный Алексей Орлов, прижимая рукой летающую шапку. Бежал Богуннов, грузно топая слоновьими сапогами. Бежал Шульгин, и антенна со свистом рассекала позади него воздух. Бежал взводный Алешин, скидывая на ходу лямки громоздкого вещевого мешка.

Что-то кричали вокруг солдаты солено и хлестко.

Пули плясали вокруг бегущих злыми фонтанчиками.

А одуревший сержант стоял по-прежнему неподвижно, нахохлившись и беспомощно разводя в стороны руками. По какой-то неведомой причине он не мог совершить простое разумное действие — лечь, вжаться в землю, припасть своим худым животом к спасительному гребню высоты.

Алешин оказался первым.

Он прыгнул к сержанту легко и пружинисто, почти не касаясь кипящей от пуль земли. На лету выбросил руку и с хрустом ударил в плечо. Сержант охнул по-бабьи и отлетел далеко от Алешина в сторону...

В то же мгновение все бегущие рухнули вниз, покатались в разные стороны, распластались среди валунов, как ящерицы. Пули со злостью защелкали по камням, высекая россыпи щебня, побежали за катающимися телами, забрасывая их горячими песчаными ручейками.

Младшего сержанта отбросило за камни. Руки его беспомощно разлетелись. Он забормотал что-то жалостно. Вздохнул с протяжным всхлипом. Вскрикивал часто и тонко, побабьи. К нему пополз Матиевский. И тут же сообщил с досадой:

— Вот зараза такая, ранен! Нарвался все-таки, дурепа... Докладываю. Ранение тяжелое.

Роковое слово быстро понеслось по цепочке и уже через несколько секунд раздалось в полковом эфире.

Шульгин, почувствовавший и невольную досаду, и глухое раздражение, и жалость, тоже пополз к сержанту, царапая щеки о колючую траву. С другой стороны к раненому спешили ротный и Богунов. Алешин тоже пополз за всеми, но ротный остановил его жестом.

— Возвращайтесь во взвод, — приказал Орлов, — немедленно готовьте группу для эвакуации. Вызовите старшину роты. Здесь мы управимся сами...

Алешин развернулся в сторону холмиков свежeverытой земли. Несколько фонтанчиков вздыбленной пыли отметили его продвижение. Блеснули на другой стороне ущелья всполохи автоматного огня.

Орлов подобрался к раненому сержанту.

Незадачливый сержант вздрагивал, покачивался, и сквозь стоны изо рта толчками выливалась кровь. Не сразу обнаружилось и место ранения. Лишь после того, как стащили с него потрепанный бронежилет, грязный бушлат, разорвали тельняшку, мокрую от крови, нашлась непростая рана. Пуля скользнула в тело возле ключицы, пробила легкие и вышла бугорком на спине, пройдя невидимый путь вдоль всего тела. Видно, зацепила она сержанта уже на лету, когда он был отброшен рукой лейтенанта Алешина. И, может, вовсе и не ему предназначалась эта пуля. Ладная фигура Алешина, или крепко сбитая, мужицкая фигура Орлова, были куда приметнее жалкого силуэта сержанта.

Матиевский обтягивал рану бинтами, едва успевая накрывать расплзающиеся пятна крови, еле слышно бормотал:

— Что ж, ранен... Терпи. Могло быть и хуже. Голова хоть цела. Выживешь, орел, не боись... У меня рука легкая. Не первого бинтую, — он кивнул в сторону офицеров. — Вон и Орлов был у меня на перевязке. И Богунов... Со счету я уже сбился... Понял...

Матиевский разорвал кончик бинта надвое, быстро затянул узелок, соорудил лохматый бантик.

— Думаешь, мне тебя жаль... Фига с два... Мне друзей своих жаль... Если бы что с Алешиним, или с ротным, или с Шульгиным случилось из-за такого салаги... Уж я бы тебе накрутил бинтов, член ты... Союза молодежи...

Матиевский повернулся к Шульгину.

— Я ведь отталкивал Орлова, хотел задержать. Разве можно, чтобы ротные лично под пули кидались. Ну, и задержал, — он коснулся рукой рассеченной брови, — вот они следы зверского насилия. Шарахнул меня командир каменной ладошкой...

Орлов, собиравший остатки аптечки в вещевой мешок, усмехнулся:

— Не лезь под руку, солдат. На войне к раненому бегут те, кто ближе всех. Святое дело. Сам погибай, а товарища выручай. Случится тебе вот так же беспомощно валяться, будешь знать, что товарищи немедля на помощь придут.

Шульгин подмигнул Матиевскому:

— На себя лучше посмотри... Тоже член Союза молодежи... Ремень винтовки пулей пробит, в вещмешке дырки, на прикладе царапины пулевого происхождения. Да ты сам через пули, как через решето просочился.

— Ага, — хмыкнул за спиной неунывающий Богунов, — посмотрите на этого члена... Каблук на сапоге сорван... Кажется, пулей. Слизало, как корова языком. Веселенькое дело... А у вас, товарищ лейтенант, смотрите, антенну перебило над самой головой. Чуть ниже, и девятка в сердце... Придется антенну менять. Запасная есть?..

— Есть, запасная... Поменяем, сержант, не проблема. Главное сейчас — этого доходягу с того света вытащить.

Раненого сержантика перевязали добросовестно. Запеленали ему всю грудь. Шульгин достал из своей личной аптечки промедол, заглушили раненому боль уколом наркотика, выдававшегося специально для таких случаев. Аккуратно перетащили безвольное, бесчувственное тело на плащ-палатку.

Сержант уже бредил под дурманящим действием промедола. Слезящиеся глаза заплыли туманом. Губы, искусанные до крови, вдруг задергались в идиотской улыбке.

Забыв о ранении, о боли, и даже о самой войне, раненый сержант вдруг фальшиво запел, перебивая несвязные слова песни идиотским смехом.

— Болванкой шле-е-пнуло по ба-а-ашне... Ха-ха-а...

Он отталкивал руки склонившихся над ним офицеров, словно они причиняли ему щекотку, и даже порывался встать.

— Действует промедол, — спокойно заметил Орлов. — Если будет дергаться, на вторую пулю нарвется, салага. Надо его перетаскивать. Действуем, ребята...

Но не так просто было волочить под прицельным огнем душманов беспокойно мечущееся тело раненого. Трудно было тащить по камням большую спеленатую куклу, не поднимая головы, плотно прижимаясь к земле. Минуты тянулись медленно. Свистел горячий свинец над головой, скалывая куски горной породы. Десятки враждебных глаз пристально следили за их действиями с противоположных высот через прицелы раскаленных стволов, а четверо взмокших парней вытягивали плащ-палатку с раненым сантиметр за сантиметром, тяжело дыша и выбиваясь из сил. Наконец они вытащили раненого на другой склон высоты. Уложили насколько можно удобнее и упали навзничь возле лихорадочно дрожащего тела.

## 15

— Задание выполнено, — молодежато отрапортовали курсанты.

Один из них, худощавый, с едва заметной полоской юношеских усов, радостно улыбнулся:

— Машина скорой помощи будет ждать на перроне, — курсант торжествующе взмахнул рукой. — Как только сказали, что у вас муж в Афганистане, все пошло, как по маслу.

Он оживленно сверкнул глазами.

— Бригадир поезда ругался страшно и всех поднял на ноги. Ох, и выражался... Представляете!..

— Ну, скажешь тоже, — смущенно добавил второй, круглолицый курсант, — поругался бригадир немножко. Но там тоже сразу все поняли. Как только про Афганистан услышали. Сразу зашевелились...

Он смущенно потер крупный нос.

— Как по военной тревоге... Вы не волнуйтесь теперь. Все будет в порядке!

Вздрыгнула полоска юношеских усов.

— Передайте мужу пламенный привет от курсантов Кремлевского высшего общевоинского училища.

Курсант откинул плечи назад, словно собирался отдать честь.

— Мы выпускаемся в этом году. Через четыре месяца станем командирами взводов. Может быть, даже доведется встретиться с вашим мужем. Как его фамилия?

— Лейтенант Алешин, — еле слышно прошептала девушка. — Он тоже сразу после вашего училища ушел в Афганистан. Тоже кремлевским курсантом был. После выпуска три месяца всего прослужил в учебной части в Ашхабаде, — девушка вдруг вздрогнула. — Может, его домой отпустят?.. Посмотреть на маленького... Разве нельзя отпустить?..

Курсанты переглянулись. Круглолицый бодро воскликнул:

— Конечно, отпустят. По семейным обстоятельствам! Обязаны дать отпуск! Вы ему срочную телеграмму дайте.

— Конечно, — оживилась девушка и обернулась к Анне Ивановне. — Телеграмму... Надо дать телеграмму! Срочную... Иначе могут не отпустить! Обязательно нужна телеграмма.

Она вцепилась в рукав Анны Ивановны неженской хваткой.

— Надо дать телеграмму...

— Обязательно дадим телеграмму, — успокоила ее Анна Ивановна. — Ты только не волнуйся. Сейчас отвезем тебя в родильный дом. Подождем от тебя новостей. И тут же телеграфируем твоему Алешину. Не беспокойся, ладно...

На перроне вокзала действительно уже прохаживались санитары с носилками. Курсанты издали замахали им рукой. Перед самой остановкой курсанты устроили в вагоне маленький переполох.

— Сначала выходит женщина... в положении, — решительно распорядился худощавый курсант, — все пассажиры остаются на местах...

— Не создавайте давки, товарищи, — извиняющимся тоном добавил круглолицый курсант, — все успеют... Без паники... На перроне скорая.

Но никто и не торопился. По всему вагону уже пронеслась новость, что у пассажирки загородной электрички начались роды. И горячее слово Афганистан зашелестело горячей соломой. Многие вытягивали шеи, чтобы взглянуть на бледную, испуганную женщину.

Санитары с ходу перешли в аллюр.

Они щелкнули пружинами носилок, схватились за ручки:

— Добро пожаловать в столицу-матушку, — добродушно пробасил один из них. — Москва сюрпризы любит...

— Ложитесь, дамочка, — кивнул второй смешливым голосом, — карета, как говорится, подана...

Невысокий врач скорой помощи выглянул из-за квадратных спин санитаров:

— Осторожнее ложитесь, женщина. Присядьте сначала... Потом ложитесь... Вот так...

Курсанты бодро щелкнули каблуками.

— Разрешите помочь. Пожалуйста! Мы же сопровождающие! Дайте нам тоже понести...

Девушка растерянно переводила глаза по окружавшим ее приветливым лицам.

— Давайте, давайте, юнкера, — раздался добродушный бас санитаря. — Вы сзади, мы спереди. Почти как на войне... Выносим потерпевшую с поля боя... Взялись... Дружно...

— Осторожнее, — протянул врач, — не дергайте... Плавнее, товарищи...

Но только ноша для четверых мужчин оказалась совсем легкой. Бледная девушка, обнимающая тугой живот, казалась невесомой.

Басистый санитар обернулся к ней на ходу:

— Ох, и легкая же вы, мамочка! Одно удовольствие вас транспортировать. Не волнуйтесь! Мы все, между прочим, военнообязанные. Боевых подруг в беде не оставляем. Пусть ваш муж не беспокоится.

— Ага, — рассмеялся второй санитар, — мы в переделках бывали. Скорая помощь Советского Союза — это своего рода медицинский спецназ! Не бойтесь, милая мамочка! Рожайте Родине героя!

Врач покачал головой:

— Очень много разговоров. Смотрите под ноги. Не торопитесь. У нас еще есть время. От первых схваток до настоящих родов проходит несколько часов. Главное, чтобы воды не отошли раньше времени...

Анна Ивановна едва поспевала за рослыми санитарями. Она шла сбоку, слегка наклоняясь к девушке.

— Вот видишь, — улыбнулась она ей, — сколько вокруг людей хороших! В беде не оставят! А ты боялась!

— Разве это беда? — воскликнул насмешливый санитар. — Это, дамочка, замечу — удача ваша. Будете рожать в Москве — столице нашей Родины! Мы вас в лучший столичный роддом повезем.

— Действительно, в самый лучший, — подтвердил врач скорой помощи. — Мы связались с приемным отделением. Сам профессор Селиверстов согласился вас консультировать...

Врач скорой помощи вскинул брови:

— К Селиверстову всегда очереди, а для вас зеленая улица. Ради вашего мужа все стараются... Пусть он воюет в этом Афганистане спокойно!

Анна Ивановна не смогла удержать грустной улыбки, разве можно воевать спокойно?

В машине скорой помощи ей предложили откидной стульчик.

Курсанты тоже поглядывали, нет ли свободных мест. Потом крикнули:

— Секундочку, пожалуйста...

И вдруг охапка тюльпанов легла на расстегнутый плащ. Распахнулись жарким пламенем алые лепестки. Девушка приподнялась, положила руку на живую зелень цветов, и вперые на ее побледневшее лицо лег румянец.

— Это вам от курсантов Советской армии, — крикнул худощавый курсант. — Пусть родится настоящий богатырь!

Круглолицый курсант не нашел слов, он только застенчиво помахал рукой.

— Богатыря не надо, — запротестовал врач, — пусть родится нормальный парень. Нормальных рожать легче.

Почему-то никто не сомневался, что родится мальчик. Будто у воюющего в Афганистане офицера не могло родиться крохотной дочери. И даже Анна Ивановна почему-то не сомневалась, что родится мальчишка.

И когда дежурная сестра приемного отделения сняла трубку внутренней связи и переспросила:

— Алешина? Родился мальчик? Та-ак!.. Вес три шестьсот? Та-ак!.. Рост пятьдесят пять? Записываю... — Анна Ивановна не удивилась.

Сестра наклонилась над столом красивую голову, торжественно откинула красный коленкор журнала регистрации и вывела аккуратную строчку в летописи лучшего родильного дома столицы. Анна Ивановна сама прочитала эту замечательную строчку, словно родной человек появился на свет.

Мальчик. Сын командира взвода Алешина. Может быть, будущий командир...

Через некоторое время от Алешиной, которую, как оказалось, звали Татьяной, пришел бумажный пакет.

«Простите за беспокойство, — извинялась Татьяна Алешина аккуратным детским подчерком, — даже не представляю, чтобы я без вас делала! Родила легко! Хоть и страшно боялась! Санечка (я назвала сына Сашей в честь отца), кричал громче меня. Он такой голосистый! Если бы вы слышали, какой у него голос! Спасибо вам от всего сердца! Последняя моя просьба! Позвоните маме по этому телефону, — Алешина написала телефонный номер подмосковного города, — сообщите ей обо всем. И главное, — Алешина подчеркнула последнюю фразу дважды, — пожалуйста, отправьте телеграмму в часть. Адрес указан на конверте».

Анна Ивановна посмотрела на серый, сложенный вчетверо конверт, стершийся на сгибах. Голубой треугольный штампель стоял на обратной стороне. И в уголке торопливым мальчишеским подчерком, похожим на подчерк ее собственного сына, было написано: *«Полевая почта 89933. Алешину А.И.»*

Гулкий набат ударил в виски...

Полевая почта...

Колыхнулся белый кафель приемного отделения.

Восемьдесят девять девятьсот тридцать три...

Все стремительно поплыло куда-то в сторону.

И только стучал все громче и громче тревожный набат в такт страшным цифрам.

Восемьдесят девять девятьсот тридцать три...

Восемьдесят девять девятьсот тридцать три...

Анна Ивановна выронила конверт, который унесся куда-то в неизвестность, и тихо съехала вдоль кафельной стены на пол приемной.

## 16

— Ну, вот и все... — задыхаясь, сказал Орлов. — Отвоевался, юноша.

Орлов бросил взгляд на спеленутого бинтами сержанта.

— Больше мы его в глаза не увидим. С таким ранением или спишут, или оставят дослуживать в Союзе, — Орлов махнул рукой. — Ну, и слава Богу! На что там вообще смотрят, в стране Советов? Таких младенцев на войну посылают! Это же смертный приговор кто-то ему подписал!

— Да, уж точно кто-то на смерть послал. И не его одного, — смахнул Шульгин пот со лба. — Верно замечено, командир. Кого попало шлют на войну. Простых пахарей бросают под пули. Я с ним толковал по прибытии. Он трактористом работал в селе. ПТУ у него за спиной.

Шульгин развязал шнуровку горных полусапожек, стянул их с ног, с наслаждением вытянул ноги.

— Простой пахарь... В тракторах хорошо разбирается, в каких-то там сроках посева. В селе на своем месте. Заматереет, хорошим мужиком станет. А на войне — просто мишень ходячая. Такие недотепы живут только до первого боя...

Орлов достал смятую пачку московской «Явы».

— Такие юноши со слабой нервной системой не для войны. Не для них это смертное дело? — Орлов сжал кулак. — Опериться не успели, а им автоматы в руки. Стреляй, коли, руби... Нет, на такую войну нужны добровольцы, — Орлов хлопнул кулаком по колену, — только добровольцы. Отборный состав выученных спецвойск...

Посыпались крошки табака на плащ-палатку. Выплыла из-под пальцев полоска дыма.

— Подписал контракт, — Орлов снова рубанул ладонью, — и делай военное дело на совесть. Получай тройной оклад.

— Я что-о?.. Я бы пошел! — оживился Матиевский. — Люблю воевать, честное слово... Дышится мне тут легко. Чувствую себя на своем месте. Не то, что на гражданке, где простой человек, что ноль без палочки. Если бы хорошо платили, я бы точно пошел...

— А я бы не пошел, — возразил Богунов. — Дурак ты, Серега... Разве война — это дело? Пахать землю — это дело! Я, между прочим, тоже простой тракторист. Пахарь, короче... И я вам скажу, что землю нужно только пахать! С любовью и лаской! Понятно! А не окопами уродовать...

— Ну, вот и паши, — засмеялся Матиевский. — А мне с винтовкой интереснее. Я оружие очень уважаю, — Матиевский погладил снайперскую винтовку. — Если бы кинули клич, позвали на войну, набралось бы нас, добровольцев, с армию...

— А, может, и не набралось бы, — усмехнулся Шульгин. — Русские за деньги не воюют. Если уж воевать, то воевать надо за взгляды, за идею, а не за тройной оклад. И лучше всем народом, а не поодиночке.

— Все, хватит... Некогда философствовать, прекращай базар, — оборвал всех Орлов. — Вон уже ребята из первого взвода на подходе. Передадим раненого для эвакуации и продолжаем войну.

Эвакуация раненого сержанта оказалась непростым делом. Еще вчера вертолеты сидели на позиции прямо под обстрелом, и летчики низко брили воздух над душманскими позициями. Но на следующий день вертушки уже ходили высоко над горами, недосягаемые для пулеметных очередей душманов, и эффективность их собственного огня уже оказалась равной нулю, а посадка вертолета для раненого и вовсе была назначена в шести километрах от места боя.

Видимо, командование эскадрильи, потерявшее две дорогие машины и лучших своих летчиков, решило позаботиться о безопасности. И присутствие вертолетов, парящих на недостижимых высотах, оказалось теперь почти бесполезным.

Пришлось Орлову выделять из поредевшего состава роты специальную группу эвакуаторов во главе со старшиной роты.

Прапорщик с невоенной фамилией Булочка принял эстафету с раненым, и вскоре пригибающиеся от тяжести силуэты спасательной группы скрылись за валунами.

С вертушкой, которая приняла раненого, сбросили солдатскую почту. Пухлые матерчатые мешки с письмами вручили Булочке под роспись.

В «большом хозяйстве» почта выдавалась в штабном модуле, и дежурные по ротам часами стояли у крашеной фанеры почтового окошка, дожидаясь выдачи писем.

Обычно почта не доставлялась действующим на боевых операциях ротам, но для этого необычного рейда было сделано исключение.

Шульгин принял толстую кипу газет, в которых как всегда ничего не писалось об афганской войне.

Получил лично в руки хрупкий слегка помятый конверт от своей удивительной Елены.

Получил также свернутый вчетверо типографский бланк.

На листе было напечатано крупным шрифтом:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 5,99р. (на 12.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.